

ПАНОЗЕРо:
СЕРДЦЕ
Беломорской
Карелии

JUMINKEKO

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
2003

KII 1348932

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Алексей Конкка

**ОТ КОЛЫБЕЛИ ДО МОГИЛЬНОГО КРЕСТА
(ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ В РАССКАЗАХ ПАНОЗЕРЦЕВ)**

Панозеро и бывшая Панозерская волость в языковом отношении располагаются в пределах ареала южных говоров собственно-карельского диалекта карельского языка или, по другой интерпретации, смешанных северо-западных и южных говоров того же диалекта. В одном из последних изданий грамматики карельского языка панозерский говор определен как переходный диалект собственно-карельского наречия карельского языка*.

Ниже приводятся образцы текстов на карельском языке с соблюдением особенностей местного панозерского говора, но без языковедческой транскрипции**. Тексты записаны на магнитную ленту в 1963 (два образца), 1995 и 1999—2000 годах. В них присутствуют примеры как относительно «чистого» говора, так и уже «засоренной» современными заимствованиями речи, что позволяет проследить за изменениями диалекта во времени.

Тексты не подвергались никакой языковой или иной выверке и извлечениям за исключением неизбежного сокращения длиннот и отступлений рассказчика от темы. Составитель попытался сохранить разговорную речь в естественном ее проявлении, поскольку, по его наблюдениям, панозерский говор зачастую «выходит наружу» в случаях эмоциональных всплесков, когда в какой-то степени теряется контроль рассказчика над «чистотой» речи.

Панозерский говор за последние 60 лет претерпел значительные изменения, что прослеживается при сравнении разновременных записей. Изменения эти связаны с переселением в Панозеро во время войны жителей северо-западных карельских деревень, часть из которых не вернулась обратно, обучением в предвоенные годы в панозерской и юшкозерской школах на финском языке и с распространением «финизмов» в последние годы под влиянием финских туристов.

Воздействие русского языка на речь панозерцев имеет многовековую историю. Распространение же русскоязычной традиции в разное время происходило с разной степенью интенсивности. Так, речь жителей Панозера, родившихся в начале века, изобиловала заимствованиями, отсутствующими в лексике современного русского языка. В какой-то степени это отражается и в записях 1990-х годов, которые в связи с уходом старшего поколения (Евдокия Елисеева умерла в 1997 году) остались последними свидетельствами панозерского диалекта доиндустриальной эпохи.

Иная картина обнаруживается в речи людей, родившихся в 1930—1940-е годы. Начало перелома приходится на 1950-е годы, когда в 2 км от деревни Панозеро возник однотипный многонациональный поселок лесозаготовителей, где работали многие жители деревни. Языком общения в многоязычной среде стал современный русский язык. Таким образом, с 1940—1950-х годов языковая обстановка в Панозере качественно изменилась, усилилось влияние инодиалектных и иноэтнических сред, что существенно отразилось на всем строе языка, проявляясь как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях.

По своему содержанию приведенные ниже тексты — устные рассказы об обрядах и связанных с ними верованиях. Однако они представляют собой лишь подобранные по темам образцы карельских текстов, не претендующие на полноту сведений по обрядности

* Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999

** Смягчения и некоторые другие фонетические явления отмечены в текстах соответствующими знаками в наиболее явных случаях.

и верованиям. Так, например, вне поля зрения собирателей остался родильный обряд, а сведения по традиционному свадебному обряду, собранные в последние годы, в основном фрагментарны. Поэтому составитель обратился к единственным в своем роде записям 1960-х годов, сделанным А. С. Степановой. Отсутствуют сведения по так называемым хозяйственным обрядам — охотниче-рыболовной и сельскохозяйственной магии, строительной обрядности, обычаям, связанным с переходом в новый дом.

Тем не менее удалось собрать достаточно разнообразный и во многом репрезентативный материал. Он представляет собой срез тех традиционных обычаев и верований, которые не потеряли актуальности и по сегодняшний день бытуют в Панозере, а также явлений народной культуры, которые вновь вышли «на поверхность» и, находясь на стадии некоторого возрождения, востребованы современной жизнью, как, например, календарные праздники. Календарная обрядность представлена здесь только рассказами о зимних праздниках, преимущественно Святках, являясь дополнением к материализу, использованному в главе «Святки в Панозере, или Крещенская свинья». Сведения о весенне-летних и осенних праздниках частично излагаются в главе Н. Поздняк «Панозерский праздник». Наиболее полно в текстах отражена такая «вечная» тема, как народная медицина. Отдельным текстовым блоком даны болезни скота и их лечение, а также представления о домовых и природных духах, связанные со скотоводством.

Некоторые верования и поверья в виде быличек изложены в разделе о фольклорных традициях Панозера, где авторы касаются и народной медицины. В этих материалах представляет интерес способ лечения ночницы, дополняющий карельские тексты: если ребенок не спал ночами, над дверями вешали самодельную тряпичную куклу. М. Г. Попова, от которой записаны многие тексты данного собрания, рассказывала автору в 2000 году о подобной же тряпичной кукле, которую относили в лес и вешали на дерево в виде приношения лешему, если знали, что болезнь пришла из леса. По сведениям, записанным Н. Поздняк от Хельми Македоновны Поповой (1936 г. р., Панозеро), к такой кукле привязывали множество лоскутков материи.

Единственным функционирующим и в наши дни традиционным семейным обрядом, с одной стороны, сохраняющим древние представления и структуру, с другой — постоянно впитывающим новации извне, является похоронный обряд. Поэтому в текстах по возможности сохранены все его детали, связанные с современностью.

РАССКАЗЫ О СТАРОМ БЫТЕ

1. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 22/23

LAPŠEN ŠUATUA KYLYH VIETIH

A meillän kylyh vietih, kun konža lapšen šai, ennemmin, ni sitä kylyssä pietih. (*Kauanko?*) Ei sielä kun pikkuni aikua... lapšen kera. (*Netälin?*) Ei se netälie, päivyä kaks — kolme... kesällä.

ПОСЛЕ РОДОВ В БАНИЮ ОТВОДИЛИ

У нас в банию отводили раньше. Как ребенка родила, так в бане держали. (*Как долго?*) Да немного времени... с ребенком (все же). (*Неделю?*) Да нет, не неделю, а дня два-три... летом.

Попова Ирина Македоновна, 1923 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка и Хеленой Лонкила, 1999 г. Касс. 16/21—26

HAMMAŠTA KANNETTIH

A en'n'en vet' kylyssä koko netälittääni pietih, kylyssä, ku said lapses, siitä vietih kylyh... Siitä kylyssä sielä lapsen kera net'alin oli.

(*Tuotihko hammasta?*) Hammašta kannettih, hampahaksi šanottih. Tuuvvah siitä sielä sriäpinčuo da kakkaruo, da čaijuo sielä ili midä kaččo kiisseliteko mitä siullah siinä, jotta lapsella hambahiks. (*Tuotihko vuatetta?*) No, kellä oli sielä raspašonkkani, kellä ei, materialua palani ripakoiksi, ta paikkani, šuapočkaini.

ЧТО РЕБЕНКУ «НА ЗУБ» ПРИНОСИЛИ

Раньше ведь в бане целую неделю держали, в бане, когда родишь ребенка, тогда в банию отводили... И вот, в бане там, с ребенком она неделю была.

(*Приносили ли чего на зуб?*) На зуб приносили, так («зубом») называли. Принесут там стряпни да лепешек, да чаю там или киселя какого, чтобы ребенку на зуб (было). (*Приносили ли одежду?*) Ну, у кого там была распашонка какая, у кого и не было, материала кусок на пеленки, да платочек, шапочка.

KUINKA GRYŽUA DA SUUVELLUSTA PARANNETTIH

(*Mitäs lapsilla oli tautie?*) Gryža, siitä hyö lapsie aina piässettih noilla kiänmarjalla, luajittih sitä liäkettä, da voijettih siitä... No, da lapsella on vačankivissys, da kuume, da...

(*Oliko suuvellusta?*) Pieni lapsi on, ni ku ken tulou: oi kun on hyväni lapsi da tuommoni, tämmöni! A kellä silmä ei passua, ni srazu (tulou). Ni siitä se lapsi rupieutti körmäh, eikä yötä eikä päivyä makua. Yksi t'yttö... t'outa, muamoni čikko, hän ei ni ajatellun, jotta hän hänen ois suuvellun. A se t'yttö niin itköi, eikä yössä makua... No, ni šiitä tuli uittoh kaksi armejasta tulduo poikuo Belorusiasta. Belorusat ne tože tiijetäh näitä. No, ni yksi poika šanou, jotta teillä on tämä t'yt't'o suuveldu, šanou, teijän oma t'otkana on suuvellun. T'outan ku tuli meillän, muamo hänellä i šano. (T'outa) šanou, ka buittei, en ni duumainun ole! No, ku sitä vailla ollou — otti viluo vettä kauhan, ta suuhus se, ta ku brizni t'yt'ölle piällä! Dai vs'o, dai t'yttö vakautu... Hänellä prosto šilmät, naverno ei pašattu...

КАК ГРЫЖУ И СГЛАЗ ЛЕЧИЛИ

(*Чем дети раньше болели?*) Грыжа была, ее они всегда лечили этим вороньим глазом, делали лекарство да мазали потом (больное место). Да у ребенка может живот болеть, да температура, да...

(Было ли такое, что сглазят (ребенка)?) Когда маленький ребенок, если кто придет (и хвалит): какой хороший ребенок, да такой-разездакий! А если у кого глаз не подходит (действует на ребенка отрицательно. — А. К.), то сразу и пристанет. Ну, ребенок начинает плакать и ни днем ни ночью не спит. Одна девочка... вот тетя моя, сестра матери, она и подумать не могла, что она ее сглазит. А девочка и плачет, и плачет, и ночью не спит. Ну, а потом пришли на сплав двое парней из армии, родом из Белоруссии. Белорусы, они тоже знают про это. Да вон, один парень и говорит, что у вашей девочки сглаз, родная ее тетка, говорит, и сглазила. Тетя как к нам пришла, мама ей и сказала (об этом). Она и говорит, будто нет (вот тебе и раз), я и не думала вовсе! Ну, если все дело в этом — налила холодной воды в ковш, в рот взяла воды и как брызнет на девочку! И все, девочка и успокоилась (не плакала больше)... У нее (тети), наверное, глаза просто не подходили (к этому ребенку).

Бабкина Любовь Александровна, 1926 г. р., Суопасалма
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 25/49

Gryyžia ei tule siun lapsilla eikä siun lapsien lapsilla — elä varaja, muamo sanoi, mie niin luadin. Dai šiulla juohatan. Šanou, jotta enžimmäini ku šyndyy, naprimera (siun) lapsilla, ota vain šanou, perätöin niegla dai lyö lattieh niin, jotta se mänöy sinne kokonah, šanou, ni silloin ei tule, šanou... eikö pie šanuo ni midä kuin (vain) "gospot' blahoslovi" (šanot) sen nieglan ku lyöt, šanou, varušša ennen aiguo... Lyöt, šanou, со злостью, jotta vihassa olizit, šanou, no se pitäy olla vihani... (Mihin paikkah?) Meillä ku oldih en'n'en rundukat, ni mie ku sain enžimäzen lapsen sillä rundukalla, ni hän siitä sen löi siihen puuhun, seinävierereh, jotta lauvasta se mänöy läpi, a seinävierestä ku on paksu... se ni löi siihen, no...

Грыжи не будет ни у твоих детей, ни у детей твоих детей — не бойся, мама моя говорила, я так сделала. И тебе расскажу. Рассказала, что как первенец рождается, например, у твоих детей, возьми, говорит, только иголку без ушка и вбей ее в пол так, чтобы вошла вся целиком, то тогда, говорит, не будет (грыжи)... и говорить ничего не надо, только «Господи, благослови» (скажешь), когда иголку вобъешь, приготовь только загодя. Вобъешь, говорит, со злостью, чтобы злая была, говорит, надо быть злым... (В какое место?) У нас раньше рундуки были, я как первого ребенка на этом рундуке родила, дак она эту (иголку) вбила в дерево со стороны стены. Доску она (иголка) насквозь пробьет, а со стороны стены дерево как толстое, дак она вбила туда, да...

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 22/9

Lapsi šuuvellah... Vot meillä Val'a silloin ku šuuveldih, Val'a oli pienenä, kolme kuukautta. Illalla meillän tässä issuttih, no a meillan oli silloin vielä kozono näin... a mie sielä tytön kera issuin, no, hypittelin. Tyttö oli meillän oikein semmoni lihava, da kaikki... a en mie ajatellun, a vot hänen (miehensä) äiti, a ne ku ihmizet issuttih tässä, ni siitä se sanou: kaččokkuo työ ku t'yt'työ ei hoti kiärällä kun noin hypit't'elöy. Hyö ku pirtistä lähtiittih, meillä ku t'ytto riepsahti, da ku rupei — ku it'köy, it'köy, ka kun mie yön händäh tuuvittelen, ei ni kuin tyttö uinuo.

Siitä mäniin mammani luoksi. Mie šanou: kun Val'a kipeyty, kun en tijä, kun ei ole yössä muannun. Mamman tuli, kielellä koitteli očhua näin, šanou: Tyttö on šuuveltu. (Mistä tiesi?) Suolani očha, šanou, kielellä ku koitteli, ni... ta sitä silmien kautti. Siitä šanou, jotta šua tämä, duršlakka. Mie siitä sen annoin hänellä, hän siili pani veistä, lusikkua, vilkkua, kaikkie siihi pani, no ta siitä obrazaizen otti. A siitä tažah vettä panima, ta hän sen tytön siinä valo. (Mitnenpä se?) Siinä piettih, ta niistä läpi... tytön pani alla, t'yttyö pitä (kiällä), a siitä käski sitä valua, jotta iče hän ei voinun yhellä kiällä t'yt'työ pityö, kahella kiällä pitä... no a siitä kiäri da tuaž tuonne kiukuan korvalla nosti sen tytön, šanou, jotta nyt se tyttö, tätä, uinuou. (Kai

hän jotaki sanoja sano?) Šano hän sielä mitä lienöy... Tyttö siitä jo vähemmän itki. Toisena piänä tuli tuaš, tuaš hyö sitä t'yt't'yö valettih. Kolmantena piänä ku valettih tuaš, t'yt't'ö do elävysty kokonah.

(*Oliko se vaskine, se ikoni?*) Vaskin'e, no. (*Valettihko tytön piätä vai koko tyttyö?*) Ihan kaiken t'ytön.

Hän ajatteli, jotta kačo sie ku t'yttyö kuin nostelou, ku vierašta on pirtissä. (*Ajatteli, eikö pie ni šanuo?*) Ajatteli vain, ei ni šanon, ku vain ajatteli...

Ребенка могут сглазить... Вот Валя у нас, когда ее сглазили, Валя маленькая была, трехмесячная. Вечером у нас здесь сидели, а у нас еще тогда козоно (рундук) так было... а я там с девочкой сидела, ну, подкидывала ее на руках.. Девочка была у нас такая полная и все такое... Я ничего не подумала, а его (мужа) мать, они как сидели здесь все, так она и скажи: «Смотрите вы, даже девочку не завернет, а так подкидывает (голую)». Они как из избы вышли, дочка у нас вдруг дернулась да как начала — и плачет и плачет, уж всю ночь я ее укачиваю, никак дочка не заснет.

Пошла я после к матери своей. Мама пришла, языком попробовала у нее лоб вот так, говорит: «Девочку сглазили». (*Откуда она узнала?*) Соленый лоб, говорит, языком как попробовала, да... а еще по глазам (определенна). Потом говорит, чтобы я принесла ей этот, дуршлаг. Я ей дала его, она положила туда ножей, ложек, вилок, всего туда положила да взяла еще образок. А потом воды в таз налили и она девочку окатила. (*Каким образом?*) Тут держали (под дуршлагом), да через них, девочку держала на руках и сказала, чтобы обливали, потому что она не могла одной рукой девочку держать, двумя руками держала... ну, а потом завернула и опять на предплечье подняла дочку, говорит, что сейчас, мол, девочка уснет. (*Говорила она, наверное, и слова какие?*) Говорила она что-то там... Дочка после этого уже меньше плакала. На второй день пришла опять, опять они девочку обливали. На третий день как опять облили, дочка уже ожила совсем.

(*Образок был медный?*) Да, медный (складень). (*Обливали только голову или всю целиком?*) Всю девочку целиком.

Она подумала, что смотри ты, как девочку подкидывает при чужих-то. (*Подумала? Достаточно только подумать?*) Подумала только, даже ничего не сказала, подумала только...

Попова Ирина Македоновна, 1923 г. р., Панозеро.

Записано в Панозере Алексеем Конкка и Хеленой Лонкила, 1999 г. Касс. 16/28—29

UNENITETTÄJÄ

Jesli on unenitettää, ni jottei makua, no ni silloin pannah kezenaikuni mimmoni kačo ombeluš t'yttölapsel ili tikutusko mi, d'otta tämä siulaš yöksi ruatuo, silloin hän makuau. No i pitää kolme, nel'l'ä kertuo... a mužikalla, mužikkapolvella houžud riputettih oven piällä. (*Mitä hänelle sanottiin?*) Ka, d'otta siitä välicči siulla kävelis... žiivatan luo, jotta se siulla ruatuo. Houžud ku riputah ovella, ni siitä välistä nijien kävellä. (*Žiivatan luo?*) No, ka sillä ruavoksi šanotah, mužikalla, jotta vot. Iliže mitä vuolla siellä, kezenaikuine veičen piäkö miko semmoni yönitettääjäillä ruavoksi. Silloin ei kože lasta, lapsi makuan spokoil... (*Mistäpä se tijjetäh, jotta yönitettääjä on?*) No, yöllä ei makua, muuta kun itkøy da itkøy. Miulla L'uus'allä oli. (*Pantihko vasta lapselle, ku lähettil pojista?*) No, oli že vanhalda, sanottih: lykkättyäkö vašta kätkeyn alle tovariššask.

НОЧНИЦА

Если бывает ночница, когда (ребенок) не спит, тогда девочке кладут какое-нибудь незаконченное шитье, что, мол, вот тебе работа на ночь, тогда она спать будет. Ну, и надо три-четыре раза (сделать так)... а мальчику, мужицкому племени штаны подвешивали над дверью. (*Что при этом говорили?*) Да, чтобы (ночница) между ними

(штанинами) ходила бы к скоту, что вот тебе работа. (*К скоту?*) Ну, вот такую работу назначают, когда мужик, вот. Или что-нибудь строгать там, недоделанную ручку от ножа или какую-нибудь такую работу для ночницы. Тогда не тронет ребенка, ребенок спокойно спит... (*Откуда вообще знают, что ночница приходит?*) Ну, ночью (ребенок) не спит, только плачет и плачет. У нас у Люси была.

(*А веник ребенку клали, когда из избы выходили, оставляя ребенка одного?*) Ну, было это раньше, говорили: бросьте-ка веник под ляльку (ребенку) в товарищи.

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 22/5

RODIMČIKKA TULOU LAPSELLA DA NI AIKUSELLA

(*Olet sie kuullut rodimčikasta?*) Se oli, rodimčikka tulou lapsella. (*Aikuisella ei?*) Aikusella se tulou, kun jos ei lapsena ollun, ni voit se tulla vielä jo kuollessa se, ni kun se rodimčik, iellä šanottih. A lapsena, mie muissan kun myö tuola leikkimä, no siitä eraš tyttö oli... se kun naurau da kačcou... ambarin alla. Myö šanomma, ka mitäpä sie kačot siinä? Šanou: oi, ki tuolla kissuo niin äijä juokšou! Icē kun naurau, naurau, jotta... No, a siitä hänen täti juoksi, da šanou miellä: mängyä poikeš työ kotihina, ta hänen ottau, siitä sieppuau, ta vie pirttih. No myö... jäimmä siih, emmä lähten. Myö ajattelimma, jotta miksi hyö hänet otettih da vietih pirttih, ku hän noin nauro. No, a siitä lapsenaž otamima da mänemmä siitä viizimäh... Myö ku mänemmä siitä ovešta viizimäh, ni hän venyy lattiella i kirveš oli piänpohjissa siitä, kirveš oli pandu piänpohjih, a händäh oli siihi katettu, täkillä oli katettu. (*Miinkä ikäinen hän oli?*) No, oli hänellä kymmenen vuotta.

(*Kuinpa se kuollessa tulon?*) No, aikusilla šanotah, jotta, mie sen olen kuullun, en ole näken, a šanottih, jotta kun syndyö ei ole rodimčik, ni kuollessa jotta tuli. Jotta siitä niin kuin pieksäykö vain mitä siittä... jotta ennen kuollentuo tulou se rodimčik.

РОДИМЧИК БЫВАЕТ У ДЕТЕЙ И У ВЗРОСЛЫХ

(*Слышала ли о родимчике?*) Было, родимчик бывает у детей. (*А у взрослых нет?*) У взрослых бывает, если в детстве не было, может прийти даже перед кончиной этот самый родимчик, так раньше говорили. А у детей... я помню как мы там играли, так там одна девочка была... она все смеется и смотрит... под амбар. Мы спрашиваем: а чего ты там смотришь? Говорят: ой, сколько там кошек бегает! А сама так смеется, так смеется, что... Ну, а потом ее тетя прибежала и нам говорит: идите по домам, а ее берет, хватает и отводит в избу. Ну, а мы... остались там, не пошли (никуда). Мы подумали — почему ее взяли и отвели в избу, как она так смеялась. Ну, а потом, дети как были, дак взяли и пошли подсмотреть... Мы как пошли подсматривать через дверь, так и видим, что она лежит на полу, а в изголовье у нее топор положен и накрыта она была, одеялом накрыта. (*Сколько лет ей было?*) Ну, было ей лет десять.

(*А как перед смертью бывает?*) Ну, у взрослых, говорят, я слышала это, сама-то не видела, а говорят, что если по рождению родимчика не было, тогда перед смертью будет. Что тогда как будто колотит или как-то там... что перед самой смертью приходит родимчик этот.

Попова Ирина Македоновна, 1923 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка и Хеленой Лонкила, 1999 г. Касс. 16/23

(*Onko rodimčikkua?*) On semmoni. Še tulou, lapsi jesli mitä ruatan ili pölästyväähzen ili mitä, ei pie i polästyö, hänellä tulou se. Ili hän itkömäh rupieu ylen lujah ili muutoma vielä i nagro, muutomalla tulou nagrona. Nagrau, nagrau, nagrau, ta siitä uinuou. Yhellä pojalla tuli kylüssä. Is't'y tazassa, hlopaiči käzilläh... kačon: ku alko kuatuo, kuatuo, kuatuu, hänellä siinä kylüssä tuli. Siitä akka hyvä kun oli siinä, Pol'ka Nulliksi kučuttih, še akka miulda otti

hän'en, šanou: elä, elä, elä liikuta nyt händä, ruttozeh pani hänen laučalla venymäh, da rissin kaglastah pani hänelle kaglah, hän ni uinozi siih. Hän makazi melkein suutkat tai proiti kaikki. Niin ni piäzi.

A kellä pölätetäh še, jotta kežen aikua, ni šiitā rupieu oikein pitäldi häntä muučimah. (*Kuinpa še pölätetäh?*) No, vot, lapsella ku tulou, ni ei pie diernie handä, jotta hän kipsahtaisko mitä, hil'l'akkaizeh pitäy, vakavaizeh. Joka ihmisellä on — ili nuorena, lapsena ili vanhempana, no vsorovno rodimič on joka ihmizellä, daže vanhoilla tulou, vanhana, kellä eullun pienenä. Mie muissan ku Marken Ibulla oli, ni hänellä jo oli vuotta nel'l'ä naverno, händä ku pölät'ettih tože, ruašsallettih yhtäkkiä, ku hän rupei langeimah. No, ni händä šiitā pöyvän alla pandih aina, yöksi pannah pöyvän alla i mušsalla katetah, mušsalla ripakolla. Akka yks hiändäh lečči, käveli. Siiṭä proidi. (*Miten še pöyvän alle pannah?*) No, lattiella pannah še, materia še levitetäh siin i šiitā pannah lapsi da obrazaini šinne ili mi i šiitā še akka lukou sillä mitä hänelläh. (*Minneša obraža pannah?*) Ka, rinnan piällä ili kaglah ristineko... (*Lukouko se akka jotakin?*) No, d'umalan sanoja mitä lukonou, vot i šiitā še aijan venyy, vakautuu, nošsetah pois sielda šiidä. (*Minkälaini se musta vuate oli?*) Ka, ljuboi mušta vuate, hod' mimmoini mušta materia uuši. (*Paikka?*) No, paikka ili daže jesli on skuatteri mušta, pane siih skuatterin piällä. (*Pandihko ymbipiäh?*) Umbipiäh katettih händä. (*Joka yö?*) Ei, ku konža vot hänellä še rupieu tulomah...

(*Бывал ли родимчик?*) Есть такой. Он бывает, если ребенок что сделает или испугается маленько или еще что-нибудь, не надо и пугаться, придет и все. Или он плакать начнет очень сильно, а кто еще и смеется, у некоторых смехом приходит (начинается). Смеется, смеется, смеется, а потом и заснет. Одному мальчику пришло в бане. Сидел в тазу, руками хлопал (по воде)... смотрю: как начал вдруг валиться, валится, валится (на бок), в бане началось у него. А потом вот, бабка хорошая тут была, полькой Нули называли, она взяла его у меня, говорит, не трогай, не трогай его сейчас, быстро взяла его, на полок положила да крест с себя на шею ему надела, он и уснул тут. Он спал почти сутки да все и прошло. Так и избавился (от родимчика).

А если у кого испугают его, раньше времени (что-нибудь сделают во время припадка), то потом будет очень долго его мучать. (*Как это испугают?*) Ну, вот как начнется у ребенка, то нельзя его дергать, чтобы он не вздрогнул или испугался, потихоньку надо, спокойно. У каждого человека бывает — или ребенком или уже взрослым, но все равно родимчик бывает у каждого человека, даже в старости приходит к тем, у которых в детстве не было.

Я помню, как у Маркен Ибу было, ей, наверно, года четыре было, ее как испугали, ударили внезапно, так у нее случилась падучая. Ну, дак ее после того всегда под стол кладли, на ночь кладут спать под стол и черным укрывают, черной тряпкой. Одна бабка ее лечила, ходила (к ней). Потом прошло. (*Как это под стол кладут?*) Ну, на пол кладут материю, расстелят там, а потом ребенка кладут да образок туда или что-нибудь. (*Куда образок кладут?*) Дак на грудь или на шею на гайтан... (*Говорит ли бабка слова какие?*) Ну, божьи слова (молитву) какие читает, вот он (ребенок) время-то (свое) отлежит, успокоится, а потом его и поднимут, возьмут оттуда. (*А что за черная материя?*) Да любая черная материя, новая. (*Платок?*) Ну, платок или даже, если есть, черная скатерть, клади на эту черную скатерть. (*Заворачивали ли с головой?*) С головой закрывали его. (*Каждую ночь?*) Нет, только когда наступать начнет (припадок).

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозero.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 22/16—17

ŠETINEITÄ LAPSELLA TULOU

Lapsella voi olla šetinät. (*Jotta jos paksuna ollessah potkiu koirua?*) No, jotta ei šitā tykkyä. Jotta lapsella šiitā šetineitā voit olla. No, a šiitā še ku lypsetäh nännimaituo, no ta šiitā sulkkuo

otetah ta šiitā kiäritäh se lapši siih, no ni siitā šetinā siihi nousou, siihi šulkkuzeh... A eräš vielä, pannah i villuo vähäni siihi... siihi välih, ta šiitā kiäritäh še lapsella selkäh. Še void olla selässä, näissä, olkopäissä, käzivarsissa šetinat. Lapsi itköy, ku pistelöy da kirvelöy. (*Tuntuuko nän kädellä?*) Ka, kun näin kuottelet kiällä, niin... tuntuu. Nännimaituo ku otetah... ni vielä siihi pikkuine jauhuo pitäy panna.

ЩЕТИНЫ У ДЕТЕЙ

У ребенка могут быть щетинки. (*Это если мать во время беременности собаку пинала?* Собиратель повторяет объяснение, данное ему рассказчицей до записи на магнитофон.) Ну, что не любит этого. Что у ребенка от этого щетины могут вырасти. Ну, а потом как возьмут грудного молока, возьмут шелка и завернут в него ребенка, дак щетины потом поднимутся, застрянут в этом шелке... А иногда и шерсти положат немножко туда, в промежуток (между кожей и шелком), а потом завяжут на спину ребенка. Щетины могут быть на спине, на плечах, на руках. Ребенок плачет, потому что (они) колются и щиплются. (*Можно ли почувствовать рукой?*) Как рукой вот так потрогаешь (проведешь), дак... почувствуешь. Молока грудного как возьмут... дак еще в него чуточку муки надо положить.

2. Рассказы о старой свадьбе

Попова Федосья Николаевна, 1889 г. р.
Записано в Панозере А. С. Степановой, 1963 г. Фон. 330/1

EN'D'INI SVUAD'BA

Kolme mužikkua tullah kozil'lää. Tullah, šantah: «T'erveh t'eil'lää, myö tulimma suuriksi vierahiksi. T'eillä on t'yttö miehellä annettava, meillä on poika naitettava. — No, tulkua, prihodikkua, is't'umah». — «Emmä myö tullun is't'umah, myö tulimma dielaimah, meillä pidäy svad'ba načn'e. Työ t'yt't'ö tuokuo täh, da rupiemma händäh kihlomah, da svad'bua luadimah».

No, siit'ä tuatto da muamo noussah et'eh, tuuvah t'yt't'ö, siit'ä silmäid rissitäh, lyyväh käzi, jotta ei erottua, jotta svad'ba luadie. No, šiitā rahvasta siih kollohtuu, siitā t'yt't'ö... pannah lentuo ylen äijä kašsah, šuoritetah hyväristi siihi et'eh, da siitā it'kiet'äh iän'n'e'l'lää, no, jotta jumala blahoslovi händäh hyväh tšastih, hyväh ozah, miehol'ah... Siit'ä otvorottiutuu oikeih käzih, oikein hyväzeh et'eh, otblahosloviutuu... moneh kertah kumartautuu jalkah muamollah da tuatollah, da sepyäy, jotta milmah sčastlivu työntäkkäy miehol'ah. Siitā vel'l'elläh, vel'l'elläh kumartautuu jalkah ta itköy: «miun velli kuldane, milmah blahoslovi hyväzesti, rupie miun luo käymäh, da rupie milman tijustamah...» Kun ollou min'n'ä, min'n'ua šamot'en, min'n'an kučuu siit'ä, min'n'alla kumartau, min'n'an keralla siit'ä sepävyttäh da, min'n'a blahosloviu hän'et: «Elä niin kuin elid meillän, da niin elä sielläkin, jotta myöki rupiemma käymäh. Ku pahoin rupiet elämäh, myö emmä tule siun luo käymäh». Siit'ä tullah podruugat, niis podruugoi'l'äh it'k'öy kaglašsa, jotta milmah sčastlivu työndäkkäy, da blahoslovikkua milman, da... No, siit'ä vyidiu sieldä poikez ikonojen iestä da siit'ä ruvetah kižuamah kantrelie, kižatah siinä, se kihluanda on...

No, ku kihlotah, siit'ä kodvani aikua ku proidiu, siit'ä kašsua riičimäh ruvetah. Kašsua riičimäh siit'ä tuattuo kučutah da muamu, da vellie, da čikkoloita, da kaikki... Tuatto kaššan riičiu ta muamo, käväh sitä rospustitah, siit'ä tulou velli, siit'ä čikot, siit'ä tullah podruugat, n'e kaikki riičitäh kašsua. Siit'ä ne lentad andau podruugallia kät'eh, siit'ä ašettelou, kaikki ne panou, jotta «не могу никуда я положить, не могу я никуда оставить мои ленты, так дорогие мои, такие красивые»... Ne siit'ä andau suamoilla bližnöilla podruugalla, jotta «elä sie kasti miun lentjoja, kuin mie pien, dai sie niin pie. A ku et ottan'e da pahoin pitänet, ni mie lažen muailmallia, ana len'n'et'äh ni ku linnut, rouno vorobuškat miun lentad, niin miun on ne

kallehed, niin miun kal'l'iz aika on, nuori aika, en mie ni kellä voi antua. A ku pannenne pihalla, ni... пусть мой брат огород сделает, огород ставит такой, что | «noist'a okšattomista ujušpuhuzist'a gorodan panou, jotta... käytäis oboron'aimah miun uimohien vien (?) kaššalentazie». No, siit'ä laskou lentat, ku ei o, podruugah ei ottan'e mieleelläh, ni siit'ä panou tsvetkaksi pihalla. No, siit'ä siihi i loppuu se kaššanriičindä.

Siit'ä tullah ottokerralla. Siit'ä (antilas) itköy, stolan takuata tuatollah kysyy vuatetta: «anahan tuatto vuat't'iet miullan»... (itkusanoineen pyytää tuatoltaan piällyzvuat't'eita, jalačie, pirttivuuttehisie). No, siit'ä hanellä tuuvvah vuat't'iet da šuoritetah, da vijäh siit' stolan tuakše, nev'osta vyydaičcou siit' ž'enihällä. A siit'ä syyvväh da juuvvah, da siit'ä läht'ietäh, ei enämbyä it'kietä. Siitä läht'ietäh, heimokunda provožaičiuutah. (A lähtiessä ei it'etä?) Ei, ei ei enämbyä it'kietä. Šulhazen kotih, siit'ä sulhani ottau područkiän'n'en, da siit'ä läht'iet'äh, heimokunda läht'iet'äh jäl'keh provožaimah...

(A siellä sulhasen koissa?) A šulhasen koissa siit'ä kun srietitäh, sielä ni mimmoista itkuo ei. Sielä lauletah, muuta ku lauletah, is't'uuvutah stolih da lauletah. Kuni varušetah niit'ä syömisie — juomisie kannetah, ni koko aika lauletah. (Venäläizie lauluja?) Ven'alaizie laululoita, ven'alizie...

(A kylyh kätyässä?) Vot kylyh käyt'än'n'än mie unohin, kylyh kätyässä lauletah vot samoi näit'ä prot'ažnoiloita viržie lauletah koko aika tyt'öt'. (A eikös itetä?) Ei, ei kylyh it'kiet'ä, muuta ei it'kiet'ä kunneh nev'osta kyžyy vain vašan da muilan miamoldah... Kylyštä tuuvvah — jo valmehena kaikki, šuoritetah händäi stolan takua varoin.

Vot siit'ä ošsetah vielä nev'osta. Pannah ved, šalbatah händä siičah — «kuldazilla avuamella, kuldazen lukun takuana on». «Kullalla myö emmä, emmä, no eikö voi hobieilla heit't'yö». — «No, voit. Hobiehe vain ei vaškeh vajehtua». No, siit'ä annetah hobie den'guo sielä. Sinne vyimitah, siedä nev'ostuo hobie den'galla. Akka ku oli lippahalla, den'gat pitäy maksua, zenihha vyiniu siit'ä ne den'gat makšau, hopiezen den'gan andau.

О СТАРОЙ СВАДЬБЕ

Тroe мужчин приходят к нам сватами. Приходят, говорят: «Здравствуйте вам, мы пришли к вам «великими гостями». Вам девицу замуж отдавать, нам парня женить». — «Ну проходите, проходите, садитесь». — «Мы не сидеть пришли, а дело делать, нам надо свадьбу зачинать. Вы приведите девушку сюда, а мы будем ее сватать и свадьбу готовить».

Ну, тут отец да мать встают перед образами, приводят дочь, крестятся («крестят глаза»), бьют по рукам, чтобы не разойтись, чтобы свадьбу сыграть. Ну, тут народ соберется (в избе), девице вплетут очень много лент в косу, оденут ее красиво, напоказ и причитывают, что, мол, благослови, Боже, ее на долю счастливую в замужестве. Потом (она) повернется на правую сторону, чинно так встанет и отблагословляется: много раз поклонится в ноги матери и отцу и обнимет (их), что счастливо меня замуж отдайте. Потом брату кланяется в ноги и плачет: «Золотой мой братец, благослови меня, приходи навещать меня, да спрашивай обо мне». Если есть невестка, то и с невесткой также, зовет невестку и кланяется ей, обнимаются с невесткой, и невестка благословляет ее: «Живи так, как с нами жила, да так и там живи, чтобы и мы могли приходить. А если плохо жить будешь, мы не будем приходить к тебе». Потом подойдут подруги, и у подруг на груди попречитывают, что пожелайте мне счастья, да благословите меня, да... Ну, а потом уйдет оттуда, из-под икон и будет играть кадриль, танцуют тут же, так сватовство проходит...

Ну, а как сосватают, как пройдет немного времени, тогда косу расплетать будут. Косу расплетать позовут отца и мать, да брата, да сестер, да всех... Косу и отец, и мать распускают, потом брат, потом сестры, потом подруги — они все косу расплетают. Потом ленты эти (из косы) дает подруге в руки, раскладывает все, что мол «не могу никуда я положить, не могу я никуда оставить мои ленты, так(ие) дорогие мои, такие красивые»... Самой лучшей подруге отдает их, причитывает: «Не грязни моих лент, как я носила, так и ты их носи. А если не возьмешь, да плохо будешь (с ними) обращаться, то я отправлю

их на все четыре стороны, пусть летят они как птицы, как воробушки, мои ленты, так они мне дороги, так дорого то молодое время для меня, никому я его не хочу отдавать. А если оставите (мои ленты) на дворе, то пусть мой брат ограду сделает из принесенных водой (?) бессучковых дерев, чтобы она оборонила мои в воде плавающие (ср.: в свадебных причитаниях из Падан девичья красота-воля сравнивается с водоплавающей птицей — уткой-морянкой. — А. К.) ленточки». Если подруга не захочет брать, то (невеста) опустит ленты на землю, «цветочком их оставит на дворе». На этом расплетание косы и кончается.

Потом придут просить приданого. (Невеста) причитывает, сидя на другой стороне стола, просит отца дать ей одежду: «Дай ты батюшка одежды мне...» (словами плача просит у отца верхнюю одежду, обувь, постельное белье). Ну, потом ей принесут одежду, наряжают ее и отведут к столу, невесту выдают тогда жениху. А потом едят и пьют, да и отправляются, больше не причитывают. Отправятся, а родня провожает. (А при отправлении не причитывают?) Нет, больше не плачут. Жених возьмет (невесту) под руку и отправляются, а родня идет вслед, провожает...

(А там, в доме жениха?) А в доме у жениха как встретят, так там больше никаких причитаний не бывает. Там только поют (песни), садятся за столы и поют. Пока собирают еду-питье на стол все время поют. (Русские песни?) Да, русские, русские песни...

(А когда в баню ходят, поют ли?) А вот про баню я забыла, когда в баню ходят, то девушки все время (мытья в бане) поют те же самые протяжные песни. (А не причитывают?) Нет, нет, больше не причитывают, кроме того, когда невеста (словами плача) спрашивает у своей матери веник и мыло (для бани)... Из бани придут — все уже готово, наряжают ее (невесту) для застолья.

И еще покупают невесту. Поставят здесь, закроют ее ситцем — «золотым ключом, золотым замком закрыта». «Золотом не можем, нельзя ли серебром бросить?» — «Ну, можете. Только серебра на медь не менять». Дают тогда серебряных денег. Туда выдают невесту, (а те) за нее серебряные деньги (платят). «Баба когда на рундуке» (эпизод свадебного обряда — мать невесты исполняет прощальный плач, сидя на сундуке), то деньги надо заплатить, жених платит, отдает серебряные деньги.

Богданова Анна Ильинична, 1902 г. р.
Записано в д. Кургиево (бывши. Панозерской волости) А. С. Степановой, 1963 г. Фон. 333/5

PRUAZNIEKKANA YHYTTIIN

No, iellä ku luadiuvuttih ni ženihhää ta antilaš, jotta hyö männäh yhteh sinä pruaazniekkana. No, siitä šanotah, kerätäh heimokunda, kaikki — muinoin oldih pad'vaškat, šuajannaizet ženihhäl. Andilaz mäni kotihinža, ilmoitti: hiän lähtöy miehellä, tuolla da tuolla, tänä piänä tullah käymäh.

Ni siitä keräyytäh ne pad'vaškad, da šulhaiskanza viel männäh siih, andilahan luoks'. Heti ku, tuatollah, muamollah jalkah kumartau, blagosloven'n'ua kyzzy, kaikilla rod'nilla. No, siitä ken blagoslovi tuatto, ken ei blahoslovi. Da tulou ženihha, parren alla seidotah: «Tähän nyt tulimma teillä šuuriksi vierahiksi». Pad'vaška, šuajannaini, siitä vielä henki toini on niitä naittajie. No, siitä seidotah siinä, ta antilašta ku ruvetah hiällä andamah, siitä hiät priglasitah stolah kaikki, sulhaizkanža.

Siitä se šulhani, ženihha andilahalla paikan ojendau, hänellä on paikka kiässä. Paikan ojendau da ripšaua hänellä käteh. Kaks kertua, kolmannel jo i tavottau, jo i vejäidäy ičieh luo.

No, siitä ku ruvetah häillä antamah, siitä männäh stolien tuakse kaikkin'e, čaijyt lämmitetäh, juotetah, syötetäh sulhaiskansa. Siitä lähtietäh sinne sulhazen kotih, sillä moržiamella jo i huili pannah, huilussa vejetäh toizeh taloh, sieläkö rekehkö, mihikö...

No, siitä männäh sinne hiäkanžazeh, siellä jo i vašatah, tože on stolat varušsettua, kaikki rahvaš keräyytä, juossah, ammutah poukatah lähtiessäh tiälđä dai sieldä vašatah tuaz

ammunnan ker, pissaleil rökytetäh ambuo. Siitä joi zavoditah sitä lauluo, tuliazietta lauluo siellä pihalla ku vain tullah ni, sulhaiskanza dogaditah dai hyö zavoditah lauluo.

Siitä proiditah pirttih suat'e, jelleytetäh siičča jalkoih sillä parikunnalla, sitä myöt'e assutetah pirttih suat'e pihalda n'än. Siitä se kerätäh pois, siitä männäh stolien tuakse, käytelläh, siitä vijjah moržien, suoritetah moudih, sorokkoih, kaikki hyväzisti, huilu piäh pannah uvestah, siit' tullah stolan tuakse. No, siitä stolan takuana moržientä kumarrutetah, a toized sielä jo juuvvah da syyväh, zavoditah, kerävytäh kaikki pirtti täyzi.

Siitä ruvetah moržienda ožuttamah. Vähäzin huiluo noššalletah — «Ei vielä näy, ei vielä näy!» Siitä kaikkine huilu noššetah, karjutah: «Hyvää, hyvääl!» da «Uraa!», da... Moržien sitä aina kumartau, ni siitä ruvetah piruimah — syömäh, juomah, tanssimah... kižatah da... (*Mitä lauletah?*) A muuta ei ni mitä lauleta, ku se «šulhazie», ruvetah sitä parikundie laulamah: «Жени... женихи по горничах идут». Parikundie ketä on stolassa, kaikki lauletah, siitä pad'vaškal, siitä šuaļannaizella, no siitä kaikilla rahvahalla. Sit' čarkoilla vielä viinua pannah, podnosa semmoini on, siitä ryppyzie, ryppyzie, siitä morzien kaikil' eteh kumartau da kandau näin... (*Lauletahko siinä?*) Ei, ei lauleta, siih aikah ryppylöin vain otetah, ken ottanou. Ken ku ryppyn ottau, tai den'ga siih, tai den'ga siih. No, siitä vai kižatah, da...

(*A priduanieta konsapa hiän kysyy?*) Ka, priduan'eita siitä, iče hyö i matkah annetah, siinä ku suorittuassah jo, ku annetah häissä, a kun ei häillä anneta, ken kun näin lähtöy, jotta niin, peittozičči, siel' toizih vuatteih šuoritetah. Mänöy mänessäh, da niin on, jälest' priduaniet vijjah, dai kakkaruo kannetah, dai gostih kutsutah, dai kai hyvässytäh siitä...

КАК НА ПРАЗДНИКЕ СВАДЬБУ ИГРАЛИ

Сначала жених и невеста сговариваются, что они на таком-то празднике соединятся. Ну, тогда известят, соберут родню, всех — раньше были падъвашка (знахарь, охраняющий свадьбу. — А. К.), суаяннайни (свадебный чин, родственница жениха. — А. К.) со стороны жениха. Невеста идет домой, объявляет: она выходит замуж, за того-то и того-то, сегодня придут забирать.

Вот эти падъвашки, да и родня собираются в доме невесты. Скоро тут (невеста) отцу да матери в ноги кланяется, благословения испрашивает, у всей родни. Ну, тут который отец благословит, а который и нет. Придет жених, стоят под матицей: «Пришли вот к вам гостями великими». Падъвашка, суаяннайни, еще один-два человека с ними сватов. Ну, стоят там, а если невесту будут свадьбой выдавать, то их всех за стол приглашают, женихову родню.

Потом жених невесте протягивает платок, у него платок в руке. Платок протянет и быстро сует ей в руку. Раза два, на третий уже и попадет, уже и притянет (за уголок платка) к себе.

Ну, тогда, когда будут свадьбой выдавать, то идут все за столы, чай согреют, напоят, накормят женихову родню. После этого отправляются в дом жениха, невесте уже и шаль на голову наденут, под платком отвозят в другой дом на санях ли или как...

Потом едут туда к свадебникам (в дом жениха), там уже встречают, столы там тоже накрыты, все собрались, бегут, стреляют, отправляясь отсюда, да и там встречают со стрельбой. Вот уже запевают эту песню, которую поют при встрече (имеется в виду свадебная песня «Miero vuotti uitta kuuta» — «Миром ждали новолунья»), как только придут на двор, свадебщики уже догадаются, да и начинают песню.

Потом пройдут до самой избы, расстелют ситец под ноги молодой паре, по нему проводят их со двора в избу. После его соберут, идут за столы, покажутся, потом отведут невесту, переоденут по обычая, сороку наденут, все как следует, фату на голову оденут снова, потом придут за стол. Ну, потом за столом невеста кланяется, а другие там уже есть и пить начинают, собираются все, полная изба народа.

После этого невесту будут показывать. Чуть фату приподнимут: «Еще не видно, еще не видно!» Потом совсем фату снимут, кричат: «Хороша-а, хороша-а!» и «Ура-а!» А невеста все кланяется да кланяется. Потом начинают пировать — есть, пить, танцевать... (*Что поют?*) А больше ничего не поют, кроме «женихов». Припеваю супружеские пары:

«Жени... женихи по горничах идут». Всем парам, кто за столом есть, всем поют, потом падьвашке, потом суяннайне, после всем сидящим. Потом еще чарку наливают, на подносе на таком, невеста всем кланяется и подносит... (*Поют ли в это время?*) Не поют, нет. Тут только чарку пьют, кто берет. А кто выпивает, тот деньги кладет, тот и деньги кладет. Ну, а после все танцуют, да...

(*А приданое когда невеста просит?*) А приданое они сами ей в дорогу дают, когда одевают невесту, если свадьбой отдают. А если не свадьбой, кто так уходит, тайно, то там в другие одежды снаряжают. Так уходит, да так и остается, после приданое отвозят, да кошелек относят, да в гости приглашают, да все прощаются тогда...

Елисеева Евдокия Карповна, 1909 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Натальей Поздняк, 1995 г. Касс. 02/28—33

PUAN'ARVEN HÄISSÄ LAULETTIH DA IT'ETTIH

(*Laulettihko häissä?*) Ka, buittei laulettu, laulettih stolissa, stopkat ku otettih, sit'ä laulettih d'o, laulettih hyvie viržilötä, laulettih ylen hyvin viržilötä. Väkie äijäl! Monet stolat pandih, monet stolat...

(*Laulettihko venäjäksi?*) Venyäheksi, kaikki venyäheksi. No, laulettih d'oi näissä häissä, ku n'ämä nuorizo... ni jo šuomeksiki laulettih...

(*Vanhossa häissä itkikö morsian?*) Ka, itki, koko heimokunnan kaiken käveli, talvella hepozella käyt'tettih, a kezällä jalalla mändih. T'yööd laulun kera mänän hänen kera, mie d'o iče sitä ruavoin...

(*Itsekö itkit?*) Iče itin dai, t'ati miula eli tuossa piässä, Suarella. No, ni kakši taluo d'äi tällä puolel, mie d'o siit'ä zavodin itkie, ku hyvin milma piettih, no, da Roštuo ku tuli d'o, se vävy hepozen val'l'ašti da milma ajelutti kylä myöt'e, no, jotta Dun'a meillä mänöy miehellä, ni toičči piäzemmä häihi, da kai... hän kun on česnói, da hyvä meillä ainikke, ainuo, no...

(*Mitä pat'vaska häissä teki?*) Ka, pat'vaška sielä kežessä heän kera is'tuu. Vielä muin'en tämä nyd, aittah mändih, vielä heäd hiilellä kuaji ymbäri nev'ostan da žen'ihhän se pad'vaška — yht'eyt'täy heäd, yht'eyt'täy... Tieži yht'eh yhit'työ, mahto yht'eh yhistyä, panna yht'eh elämäh. Uteral'nikka se vyöllä kävelöy... oi kun oli hyvä, oi kun oli hyvä elämä! No, dai sit' oli šuajannaini — muamo, ne rinnalla niiž, kumbani venčasta tuli hänen ker.

(*Mitä nevestan muamo teki?*) Muamo ei käynyn meillä, tuatto käy häih, muamo eullun häissä muin'en. Muamo oli koissah, muuta ku tuatto, da vellet, da siskod, da min'n'äd — ne vain käyt'ih. Ristimuamo oli rinnalla, no, ristimuamo vydaičči, a rodnoita muamuo ei ollun häissä. Miulla oli ristimuamo — t'ät'i, muamon čikko, hän oli miulla ristimuamonan...

КАК ПЕЛИ И ПРИЧИТЫВАЛИ НА ПАНОЗЕРСКОЙ СВАДЬБЕ

(*Пели ли на свадьбе?*) Будто не пели, за столами пели, по стопке когда выпьют, тогда уже пели (начинали петь. — А. К.), хорошие песни пели, очень хорошие песни. Народа много! Много столов ставили, много столов...

(*Пели ли по-русски?*) По-русски, все по-русски. Ну, а пели уже на этих свадьбах, у молодежи... да как уже и по-фински пели...

(*А на старой свадьбе невеста причитывала?*) Уж плакала, всю родню обходила, зимой на лошади возили, а летом пешком ходили. Девушки с песнями сопровождают ее, я и сама этим занималась...

(*Сама причитывала?*) Сама причитала, да, тетка у меня жила в том конце, на Острове. Да, еще два дома оставалось (до теткиного дома. — А. К.) с этой стороны, а я уже начала причитывать, уж больно меня там за свою держали (букв. «хорошо держали», т. е. принимали как свою, любили. — А. К.), да потом, когда Рождество пришло, зять этот лошадь запряг и меня катал по деревне, что, мол, Дуня у нас замуж выходит, снова на свадьбу попадем, да все такое... она как честная, да хорошая, да единственная у нас, да...

(Что патьвашка на свадьбе делал?) А патьвашка в середине, с ними рядом сидит. А еще раньше бывало вот, что в амбар уходили, еще их углем кадил вокруг, невесту да жениха этот падьвашка — соединяет их, соединяет... Знал (как) вместе соединить, умел соединить воедино, свести вместе жить. Расхаживает — утиральник этот на поясе (у патьвашки. — А. К.) как хорошо, какая жизнь хорошая была! Ну, да еще была суаяннайни — мать (жениха), она тоже рядышком, та, которая с венчания пришла с ней.

(А что мать невесты делала?) Мама к нам не ходила, отцы на свадьбу ходят, а матери раньше на свадьбе не бывали. Мать дома сидела, только отец, да братья, да сестры, да невестки — они только ходили. Крестная мать рядом (с невестой. — А. К.) была, крестная мать выдавала, а родной матери на свадьбе не бывало. У меня была крестная — тетка, сестра матери, она у меня крестной была...

3. О зимних праздниках в Панозере. Рождество. Святки. Масленица

Елисеева Евдокия Карповна, 1909 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Натальей Поздняк, 1995 г. Касс. 01/26

ROSTUONA AJELDIH

Roštuo on enžistäh, siitä vasta Vieristä. (Roštuna) ajeldih, muin'e vielä ajeldih, kylyä myöt'e hepozilla ajeldih... vain lentad liehutah... Ajeldih ymbäri kylästä, tuosta... Mikan randa, sieldä kylyä myöt'e, myötäh päiyvä näin matattih. Oi, väkie, kuin monda hevoista, šuuret čillit. «Купи, барин, не скучись, со мной съезди, веселись» — čillih kirjutettu oli, meillä on čilli. (Laulettihko?) Ka, buittei, laulettih, dai t'yt'öt laulun kera matatah, da garmon'ojen kera (ajellah), da... (Mitä laulettih?) Ka, kaiken'moist'a virt'tä, ka, ei pohabnoita laulettu kuin nyt... Da niin is's'uttih. Muutoma poika t'yt'ön käy, dai ajelutti, mielittäävän, no...

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАТАНИЯ

Сначала бывает Рождество, после него только Крещение. На Рождество катались, раньше еще бывало катились на лошадях по деревне, только ленты развевались... Катились по деревне, отсюда, от берега Мика вдоль по деревне, по солнцу так и катились. А народу! Сколько лошадей! Бубенцы большие... «Купи, барин, не скучись, со мной съезди, веселись» — было на одном из них написано, у нас дома сохранился такой.

(А пели ли?) Будто нет! Пели, и девицы катаются с песней, да и с гармонями тоже, да... (Что пели?) А всякие песни, да не похабные песни, которые нынче поют... Да и так сидели (без песен). Несколько парней девушек прокатят, зазнобушек своих, но...

Елисеева Евдокия Карповна, 1909 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Натальей Поздняк, 1995 г. Касс. 01/29, 33; 02/17, 26

VIERISSÄN KEŽELLÄ GUL'AŠNIKAT KÄVELI

Vierissän kežellä kakš netelie gul'aitih, suoriuvuttih maskirovannoiks, da taloloita myötä käveltih, da kižattih taloloissa, annettih kižata... (Kuin karjalaksi sanottih?) Gul'ašnikat, gul'ašnikat. Muin'en suoriuvuttih kaikkieh tap(ah), kellot kaglah, vaššat kät'eh otetah, ta ni vaššat sivotah vyöllä, jotta kylyh matatah, da... Kaikkiella luatuo šuoritah, da narošno käveldih taloloita myöt'e. Da laškiettih muin'en, laškiettih. Kuša talošša vielä garmon'ojen kera käytih, garmon'al šamašša tanssimah ruvettih talošša, annettih tanšata...

(Mitä panitta piällä?) Ka, vaikka mimmoista, ken panou ylen hyväd vuat't'iet, ken panou ylen pahad vuat't'iet... Ka, vot pannah huilu piäh (näyttää), niät sie — ei ožutauvuttu, lakkpiässä, sit'te e näin vähäzeldä vain, jotta nähtäiz matata kuil'läh, näil'läh kaikki(h) taloloih männäh, kymmenie hengie kerrašša käyt', viizi hengie, kuuži hengie, konza miki, no... (Oliko

kaikilla huilut?) Kaikilla, kaikilla huilut, et šua tunnistua, et tunne, vieraahašta vua(te)tta pannah piällä, dai, jottei tundiettaiž, vieraž vuate piällä on. Kaikemmoista vuatetta, murnin vuatetta pantih, kaikkieh tapah suorittih, ylen mukavašti... Kakši viikkuo gul'aitih. Ei mečätyötä ruattu monet. Tuošša Motan mužikad mändih, molod'ež, kakši päivyä oldih dai poikeš, tällä, Vierissän kežellä tuldih gul'aimah.

(*No, ku tuletta taloh?*) Taloh tullah, hil'l'äzeh tullah kaikki: «Voiko tulla?» Ovešta ku tullah — «Voitko yleš tulla?» Ei izännät kielletty: «Tulkua, tulkua, tulkua käkyä, käkyä!» Izändä is'tuu: «Kižakkua, šanou, tanšakkua, — stolan kokašša iče is'tuu, — tanšakkua. Ta sitä myö tanšuamma, monihičči avauvumma, monihičči emmä d'jäviy, a tanssuamah ku ruvetah, ni d'jo avatah tanšatešša, no. Muzykanty garmon'an kera, da... poika garmon'an kera matkuau...»

Vielä oli uuži moržien! Tämä, sorokka piässä, siitä moržien poklonoa vet'äy, mänöy taloh, poklona vet'äy. «Passibo, passibo, — emändä šanou, — passibo kannetuizen, passibo, kenen ričkan(?) sie laps' ollet, šanou... (*Mieskö vai nain'e näytteli?*) Ka, t'yt't'ö da poika. T'yt't'ö on poikana...

Käveltih gul'ašnikkana, lehmäkkellot tuuvvah, čillit tuuvvah kaikki taloh. No, jotta hyö kuletetah lehmie, ošsettih, da... Ka, niin no, šanot, jotta toizella jiänellä: «Myö lehmän ostima, tuomma kotih, kuletamma, ka ielläh otimma kellon, siitä tuomma lehmän kotih»... Oi, mukava se oli, ylen mukava... (*Mitäpä izändäväki vastasi?*) Izändä: «Hyvä olet, moločea ku niini tahot hyvin elyä». «Hyvä imehnemi ku kerran tahot hyvin elyä», — emändä vastuau.

(*Näyttelikö gul'ašnikat köyhie?*) Oli, oli köyhä, dai annettih šangie, keralla annettih hänellä, dai... Ku šanou, jotta en ole syölyn engä juonun, niin kiirehen kautti työstä läksin, da... Sitä hänellä annetah keralla šangie, da kolačuo, da... (*Mitä hänellä oli piällä?*) Ka, štanat jalašša, fuffaikka piällä, prostoih vuatteih semmoizih suorittu. No, huilu piässä — kellä on marl'asta, kellä oldih maskat, oli d'jo lopulla maskoja. (*Mistä ne oli tehty?*) Ka, no, pahvist'a, dai vielä oli kroassittu i kaikki, en'n'en' muin'en sielä d'oi luajittih, kaupoissa (ostettih), tuotih Kemistä. Silmäd oldih, nenä oli, no, šuu oli... (*Oliko parta?*) Dai parrad, dai kai oldih jo maskassa. (*Tuohesta eikö tehty?*) Tuohesta luajittih, da... Oli kaikkie, kesselilötä, dai kaikkieh tapah käveldih, bokovoit sumkat kainalošša, kesseli selässä... (*Mitä ne talossa teki?*) Ka, niin erikseh paistih hänen kera — mitä varten hän kulettelou händä, kesselie pitäy... Se šanou, jotta mitä varten hiän kesselie kulettelou selässä — hänellä pitäy šuaha siihen vaikka mitä, kesselih. «Mitä voin'etta, sitä antakkua miulla kesselih siihi, no, mitä voin'etta luovuttuo, syömpuolta».

(*Näyttelikö joku pakšuna olleita naisie?*) No, pantih, pantih marat, šuured marat, odvah häilytäh, kävelläh: «Ruavosta tulimma, d'a emmä voi ni kävellä kovuan», šanotah. «Kiirehämmä poikeš kotih, da t'ötä ruatamah, da...» Vielä akad narošno rugajah: «Ei mečähahini t'beitä i käyt'ä, tuommozen maran kera, mitäi kai vodiuvutta!» (*Mitä ne vastah sano?*) Ka, himottau se i meillä kävellä, loppu nuort'aikua provedie, mara meitäh ei meššaičči, maran takie myö voimma käyvvä...»

(*Millä tavalla ne puhuivat?*) Ka, vot puhuttih kuin lienoy toizella iänellä, no... (näyttää — puhuu korkealla inisevälli äänellä), jottet huomua pakinašta. Ka kaikkiella šabal'allä pieksäyyttih, kaikkialla... Kaikkeh tapah pieksäyyttih, no mukualiuvtih kaikkei', no ken mitäki... ken on šairaž, da ken kuinki...»

(*Oliko rampoja, panivatko gorban?*) Ka, buittei, pantih gorbat dai kaikkie luajittih ičestäh, vaikka mitä riputettih. Ka, moničči lapšet varatah, kiukualle kiirehen kautti, ku tullah pirttih kellod kalatah libo mi kaččo... Mitä tuhmemmua, da mitä semmoista piällä i pandih, jottei tundiettais.

Se žezi oli vasta, kai hyvällä mielin vuotit. Gul'ašnikkana gul'aitih, laulun kera ku poikki jovešta tullah tän manderelle, sitä monda taluo käväh, käväh... Muutomassa talossa ku on lapsie äijän, ni ei laškiettu, lapsed varattih — strašnoid ollah, turkid murnin, murnillua pannah, villapuoled ulkohuokš...

(*Mihin aikah gul'ašnikat käveli?*) Yöllä kaikki, kai yöllä, gul'ašnikkana yöllä. Illalla myöhäzeh, vot sem' časov, večerom kaikki ruattih, večerom...

(*Käviko gul'ašnikat koskaan taloissa ennen Rostuota?*) Ei. Roštuona, Roštuošta Vieristäh šuat'e. Vierissän synnyinpiänä d'ei käyty, piatinčänä, sit'ä lauvantai... ne kaks päivyä d'ei käyt'y. Ei enämbyä Vieristyä vaše käyty...

НА СВЯТКИ ГУЛЯШНИКИ ХОДИЛИ

На Виериссян кески (Святки) две недели гуляли, маскировались и по домам ходили, да глясали в домах, давали поглясать... (*Как по-карельски называли?*) Гуляшники, гуляшники. Раньше наряжались по-разному, ботала (повесят) на шею, веники в руки возьмут, да веники на пояс привяжут, что будто в банию идут, да... Одевались по-всякому и нарочно ходили по домам. И пускали раньше, пускали. В какой дом еще и с гармонью придут, под гармошку и глясать начнут в доме, давали глясать...

(*Во что одевались?*) Да хоть во что, кто самые лучшие одежды наденет, а кто самые плохие. Ну, вот, надевали платок на голову (показывает), видишь ты — не открывались, шапка на голову, потом только чуть-чуть, чтобы было видно идти (снизу приоткрывали), так во все дома и заходили, десятки человек могли одновременно зайти (в дом или группами) по пять, шесть человек, когда сколько... (*У всех ли платки были?*) У всех, у всех платки — нельзя опознать, не узнаешь, не узнаешь, чужую одежду наденут на себя, чтобы не узнали. Всякую одежду (надевали), наизнанку одежду надевали, по-всякому одевались, очень интересно... Две недели гуляли. Многие и на лесоразработки (на работу) не ходили тогда. Вот тут, мужики Мотты (дом в Панозере) пошли, два дня побыли и обратно вернулись гулять на Виериссян кески.

(*Ну, а когда в дом придете?*) В дом приходят, тихо все идут: «Можно ли зайти?» В двери когда заходят: «Можно ли наверх пройти?» (снизу из сеней в избу. — А. К.). Хозяева не запрещали: «Заходите, заходите, проходите, проходите!» Хозяин сидит. Играйте, говорит, пляшите (сам на конце стола сидит), пляшите. Вот мы и танцуем, бывает, открываемся, а бывает, и не показываем себя, а глясать как начнут, то уже открываются, во время пляски открываются. Музыканты с гармонью да, парень с гармонью ходит... Еще молодуха была! Вот, сорока на голове, молодуха поклоны бьет, идет в дом, кланяется. «Спасибо, спасибо, — хозяйка говорит, — спасибо тебе, чужими выношенная (*kannettuizeni* в свадебных плачах обозначает принадлежность к роду жениха), спасибо, чья... (неясно) ты дитя есть». (*Мужчина или женщина одевалась молодухой?*) А девушка и парень (т. е. речь идет о ряженых, одевавшихся «женихом» и «невестой»). Девица парнем (наряжалась)...

Ходили гуляшниками, коровы ботала, колокольчики принесут в дом. Будто они перегоняют коров, купили, да... Ну, вот, скажешь, только чужим голосом: «Мы корову купили, ведем домой, гоним, да сначала принесли колоколец, а потом приведем и корову домой...» Ой, интересно было, очень весело!.. (*Что хозяева отвечали?*) Хозяин: «Молодец, раз так хорошо хочешь жить». «Хорошая женщина, раз так хорошо жить хочешь», — хозяйка отвечает.

(*Наряжались ли нищими?*) Было, были и нищие, и шаньги давали, с собой ему давали, да... Как скажет, что не ел и не пил, что прямо с работы пришел, торопился, да... Ну, тут ему дают с собой шаньги, да калачи, да... (*Что на нем было надето?*) Да, на ногах штаны, фуфайка одета, в простые одежды наряжен был. Ну, платок на голове, у кого из марли, у кого и маска, уже под конец маски были. (*Из чего они были сделаны?*) Да, из картона, да еще были и покрашены и все такое, уже тогда (в старое время) уже начинали делать, в магазинах (покупали), привозили из Кеми. Глаза были, нос был, ну, рот был... (*Была ли борода?*) И бороды и все уже было на маске. (*Из бересты не делали?*) Из бересты тоже делали, да... Всего было, с кошелями и по-всякому ходили, боковые сумки под мышкой, кошель за спиной... (*Что они в доме делали?*) Да, разговаривали с ними как бы отдельно, почему он с ним, с кошelem ходит... Он отвечает, почему он держит кошель за плечами, ему надо положить туда хоть что-нибудь, в кошель. «Что можете, то и положите мне в кошель этот, ну, что можете дать, съедобного чего-нибудь».

(Изображал ли кто беременных?) Ну, делали, делали животы, большие животы болтаются, еле ходят: «С работы идем, да не можем и ходить быстро», — говорят. — «Торопимся домой хозяйством заниматься, да...» Еще бабы нарочно ругаются: «И леший-то вас не заберет, с такими животами что и ходите!» (Что они отвечали?) «Дак, хочется ведь и нам погулять, провести конец молодой жизни, живот нам не мешает, и с животом можем ходить...»

(Каким образом они говорили?) Дак, вот, говорили как-то другим голосом, да... (показывает — говорит тонким пискливым голосом), что и не поймешь по разговору. Да всякой шабалой дурачились, притворялись по всякому, кто во что... кто больной, да кто какой...

(Были ли хромые, наставляли ли горбы?) Будто нет, и горбы делали да и чего только из себя не делали, чего только не навешают! Дак, часто дети боятся, на печку сразу лезут, придут (ряженые) в избу — ботала гремят или еще чего... Чего посмешней (букв. по-дурней), да вот такое на себя и наденут, чтобы не узнали...

Вот уж было так было! Ждешь, бывало, с радостью (Святок. — А. К.). Гуляшниками гуляли, как с песней с того берега реки придут сюда, на материк, потом по домам ходят, ходят, ходят... В некоторых домах, где много детей, туда не пускали, дети боялись — ряженые страшные такие, шубы навыворот перевернут, шерстью наружу...

(В какое время гуляшники ходили?) Ночью все, все ночью, гуляшниками ночью (ходят). Вечером поздно, примерно вот в семь часов, вечером, (когда) все работы по дому сделаны, вечером...

(Ходили ли гуляшники по домам до Рождества?) Нет. На Рождество, от Рождества до Крещения. Уже и в канун Крещения не ходили, в пятницу, потом суббота... эти два дня не ходили*.

Попова Ирина Македоновна, 1923 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 1999 г. Касс. 13/17, 20—22

KUIN GUL'AŠNIKOIKSI ŠUORIUVUTTIH DA DOROGAVIERISSÄ KUUNNELDIH

Toizesta päivästä Roštuota läht'iet'tih gul'ašnikoiksi... (Taloloissa) šilma ei tundieta, hyö kävelläh ymbäri siusta, katotah, sie pualikkazella lossit... (Oliko jokahizella pualikka?) Pualikkaizet jokahizella, gul'ašnikoilla oli pualikkaizet, jotta ei ni ken heitää liikuttais. (Yritetihkö kattuo?) Mindäh že ei! No, yksi oli Anni Šuarella, ka šehan oli šemmoni, jotta se mäni jokahizelda kiškomah da kattomah, semmoni oli (naura).

Kun myö läksimmä kerran, mejän Vasken tyttären hiäd oldih enžipiänä, toizena piänä myö läksimä gul'ašnikaksi... mie, Helmi, miun tikko, sitä miun susseda... nel'län myö mänimä. Mänimmä enžimäksi livanan luo, nuoremman vellen luo. Plässimä, Helmi pani vanhat kal'sonat, ukkoh, jalkah... Yksi oli — pärettä, niinko buitto viululla, soittau, a mie olin metsästääjnä, miuilla oli pyssy ta siitä niätän škurkka tässä, da kattilani toizessa puolen (naura). (Ihan oikie pyssy?) No, silloin že oli joka talossa pyssy. (A piässä mitä oli?) A piässä oli huili, jotta ei näkynyt... No, ta siitä navettaniekka oli, se oli miun nuorin sizär, hiän pani — mejän äiti ruato navetassa — hän pani sen halatin piällä da šuuren fartukan, riibuškat kengät jalkah, da...

Siitä myö mänimmä taloh. Emändyä eulun koissa, a izändä oli. Myö mänimmä hänen luo. «Terve, terve, tulkua. No, mitä työ tiijättä, da mitä työ miulla šanotta». Ni myö ken laulamma, ken plässin, ken mitä, kaikki huršsit tukkuh panimma. Hiän šanou: «No ket työ oletta, kun mie en tunne, ket työ oletta?» Emmä myö virkkan ni mitä, jotta ken myö olemma.

* Рассказчица для сравнения называет предстоящие Крещению дни пятницей и субботой, однако, Крещение (19.1 по новому стилю) — праздник с фиксированной датой и поэтому подвижен относительно дня недели.

No, a sillä aikua tuldih miun velli Vaske da siitä susseda hänen tuldih tože gul'ašnikaks. Vaskella oli kondien se, tal'l'a pandu piällä, sivottu... (*Minä vuonna se oli?*) Se oli viiskymmendä jo vuotena. (*No, näyttelekō hän sitä kondietta? Millä tavalla?*) Ka, näytti hän sitä. (*Kävelikō hän nelinkontin?*) Käveli da pl'ässä, takajaloillah bringutti (nauraan). (*Mörisikö vai?*) Ka, no. Poika oli hänen kerala, sussedan poika, käveli hänen kera. A meitä oli nel'lä. A siitä myö jo joukossa kaiken kävelimä. (*Ihan joko talossa?*) Ihan joko talossa! A silloin tulija ei ollun, näitä, sähkyä, a vain lampat. A muutomassa talossa on rappuzet pität da paharaizad, sieldä sitä ku mutirkallah tulet (nauraan)...

(*Tekikö ne gul'ašnikat pahuu?*) Ei hyö pahuu, muutomat, vot, kun koikapuolini, hyö šalvattih trubie, no miksi trubat šalvata, vet šiită kiukua šavuamah rupieu, da kai... Ili že näillä, oven piällä pandih, vejetih reki, jottet piäse pirtistä... vezikorvoja kuattih, da ken mitäki. Peitettih niită, tunie, tuakše huonehien kenne katto pandih peittoh, halkopinoja kuattih, da...

A siitä kävelläh kuundelomah, nuorizo, naprimer... siitä lähet gul'ašnikkana, mänet kuundelomah tuoho, kirikön lukkuh, käymmä kuundelomah. Da siitä dorogavierih, missä on nel'lä dorogua lähtöy, no siihi is't'uvvut... hirven tal'l'an libo min katto alla... Vain ei pie jätyy ni mitä, jotta et kierrä. No, i siitä kuin äijä sopiu siih, is't'uvvut sen tal'l'an alla i kuundelet. Yksi siitä veiten kera kiertäy sen, jotta ei mettähäni tuliz da ei veiz... siitä kiertäy, da lukou sitä mitä lukonou sielä. No, a siitä sen veiten pistäy lumeh, jotta kuni kuulumah rupieu, ku kuuluu... jottei ni ken tulis sinne liikuttamah, häirittä mäh. No, ni siitä kellä mitä kuuluu. Kellä kuuluu jesli sielä d'vyvä kylvetäh, se bohatta lienöy... kellä kuuluu mistä pän kritkuttau tulla kylmissä kengissä, sinne pän se mänöy miehellä ili sieldä pän tulou hänellä se ukko-päiväni lienöy (nauraan).

КАК ГУЛЯШНИКАМИ НАРЯЖАЛИСЬ И НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СЛУШАЛИ

Со второго дня Рождества отправлялись гуляшниками ходить... (В домах) тебя не узнают, они ходят вокруг тебя, смотрят, а ты палкой машешь... (*У каждого палка была?*) Палки у каждого, у гуляшников палки были, чтобы никто их не трогал. (*Пытались проверить что ли?*) Будто нет! Вот, одна была, Анни с Острова, дак она такая была, что каждого старалась раскрыть да посмотреть, такая вот была (смеется).

Один раз мы отправились, у нашего Васке, у дочери его свадьба была в предыдущий день, а на другой день мы гуляшниками пошли... я, Хельми, моя сестра, потом соседка моя... вчетвером отправились. Сначала пошли к Ивану, моему младшему брату. Плясали там, Хельми надела старые кальсоны мужины... Одна лучиной (водит), будто на скрипке играет, а я была охотником одета, у меня было ружье, да шкурка куницы здесь, а котелок на другом боку (смеется). (*Настоящее ружье?*) Да, тогда ведь в каждом доме ружье было. (*А что на голове-то было?*) А на голове был платок, шапка на голове и платок (подней. — А. К.), чтобы не видно было... Да еще скотницей была наряжена, это моя младшая сестра была, она надела (а мать наша на ферме работала) халат этот да большой фартук, рибушные ботинки на ноги, да...

А когда мы в дом пришли, то хозяин дома не было, а хозяин был. Мы — к нему. «Здравствуйте, здравствуйте, проходите. Ну, что вы знаете, да что вы мне расскажете?» А мы — кто петь, кто плясать, кто что — все половики смяли в кучу. «Ну, кто же вы такие, никак не могу узнать, кто такие?» А мы ни слова не сказали, не признались кто такие.

Ну, а в это время как раз пришел мой брат Васке да сосед его с ним, пришли тоже гуляшниками. (*Когда это было?*) Это было в пятьдесят... или в шестидесятых уже годах было. У Васке была медвежья шкура одета, привязана. (*Изображал ли он медведя? Каким образом?*) Да, изображал. (*Ходил ли он на четвереньках?*) Ходил, да и плясал, да задними ногами дрыгал (смеется). (*Что, и рычал тоже?*) Да, да. Еще мальчик был с ним, сын соседа, ходил с ним. А нас четверо было. А потом мы уже вместе все обошли. (*Что, в каждом доме были?*) В каждом доме! А тогда света не было, этого электричества, а только лампы (керосиновые. — А. К.). В иных домах лестницы длинные да проходившиеся, оттуда кубарем спускаешься (смеется)...

(Гуляшники безобразили как-нибудь?) Да не то что бы худое что, вот некоторые, которые поздоровее (?), те закрывали трубы (снаружи. — А. К.), ну, зачем трубы-то закрывать, ведь печка дымить будет, да все такое... Или же дверь припирали, навалят сани, что и из избы не выйти... воду из кадок выливали, да кто что. Прятали, эти самые... подсанки — за дом куда-нибудь спрячут, да поленницы сваливали, да...

А еще слушать ходили, молодежь, например... пойдешь гуляшником и слушать отправишься — к церковному замку ходили слушать. А потом у дорог, где четыре дороги (на перекрестке), то там, бывало, и сядешь... лосиную шкуру или там что-нибудь под себя постелишь... только нельзя ничего неочерченным оставлять. Ну, вот, сколько туда (годающих) влезет, столько и сядут под этой шкурой и слушают. А один там (снаружи) обходит с ножом, чтобы леший не пришел и не унес... обходит и говорит слова какие-то там. Ну, потом нож этот воткнет в снег, чтобы когда слушать будут, никто бы их не тронул, не пришел бы мешать. Ну, а там кому что слышно бывает. Кто услышит, что зерно там просеивают, значит богатым будет... кому слышно — идет, скрипит в холодных башмаках*, а откуда услышала, в ту сторону и замуж идет или оттуда к ней тот самый муж-солнышко придет (смеется).

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 23/46

GUL'AŠNIKAT MAITOKANNUO KANTO

Myökin kävelimmä, meillän šanottih gul'ašnikka... suorizimma mie, Viktor, tuo Hipan Anni, siitä oli Kokko Anni vielä elossa silloin, Jennu i viijen myö lähemmä, sillä Kokon Annilla vielä panemma poduškan tänne, jotta sillä on gorba, da turkki nurinpäin. A ku hän käveli (gul'ašnikkana) jo hän oli kuuškymmentä vuotta lisän kera. Myö panemma ne, kellä on mitä semmoni tyylin'e šilmille, jotta ei huomata. Šuoriemma, jotta mitä vuatetta on, ne pannah vielä murnin pään piällä, ta toisien vuatteita, no ni siitä mänemmä vielä kylä pitkin...

A myö ku lähemmä, niin... panemma kannuzen tähä, sivomma... (Maitokannun?) No, maitokannun sen panet tähä (selän tuakše), no. Siitä kun mänemmä taloh, sielä pl'äšsimmä, pl'äšsimmä kaikki, ni iändä myö emmä jiävi, emmä laula, emmäkä mitä, ni meillä siitä šiihi kannuh ken mitäki panou, siitä kun sieldä lähemmä, aino tulemma meillä, panemma teen lämmittää, no, siitä juomma yöllä siitä vielä (nauraa). (Illallako kävelih?) Illalla myö läksimä aina, myö kun olemma liävän ruatan, siitä lähemmä.

(No, kuinka monta joukkuo oli?) Myö erähän kerran ku kävelimmä, meitä oli viisi hengie, a myö vain talosta kerkiemmä vyidie, jo toized gul'ašnikat männäh uuvellah šiihi taloh. (Oliko joukossa kolme — viisi henkie?) No, no... (Oliko i kymmenen henkie?) Ei, niin šuurda joukkuo ei ollun.

(Otettihko pualikat käteh?) Ka, oli... myö ku kävelimmä, ni Annid nuo otettih, Kokon Anni dai Hipan Anni, siitä koputtelet vielä. (Mitäpä muilla oli?) Kolikka, kolikka, millä jalkoja pyyhitty... jotta ken ruvennou, jotta väkizint kattomah, ni sitä käzie vašše huutuo. (Golikalla?) Golikalla, da sillä, keppilöillä... Gul'ašnikkuo ei šua koškie. (No, milloinpa tämä kaikki on ol-lut?) Ka, se oli jo... kuuškym mendäyksi vuosi, da ne vuuvet oltih...

РЯЖЕНЫЕ С БИДОНОМ ПО ДЕРЕВНЕ ХОДИЛИ

Мы тоже ходили, у нас гуляшниками называли... наряжались я, Виктор, эта Хипан Анни, потом Анни Кокко — еще жива тогда была, Енну, и впятером мы отправимся, этой Кокон Анни еще подушку привяжем сюда, сделаем ей горб, да шубу вывернем наизнанку. А ей уж было, когда гуляшниками ходили, шестьдесят с хвостиком. Мы надеваем эти, у кого что было — какой-нибудь тюль на глаза навесим, чтобы не узнали. А одевались так, что всю одежду еще наизнанку вывернешь, да еще чужую одежду брали, и вот так отправлялись по деревне ходить...

* О «холодном башмаке» см. в главе А. Конкка «Святки в Панозере, или Крепченская свинья».

А мы когда пойдем, то... привяжем бидончик сюда... (*Молочный бидон?*) Да, молочный бидон сюда (за спину) приторочишь. А потом, как приедем в дом, там пляшем, пляшем все, а голоса мы не подаем, не поем и ничего такого, дак нам в этот бидон что-нибудь да положат, а потом, когда оттуда придем, всегда к нам заходим, ночью греем чай и пьем (смеется). (*По вечерам ходили?*) Мы всегда вечером ходили. Мы сначала в хлеву все работы сделаем, поужинаем, а потом и отправляемся.

(*А много ли ряженых ходило по деревне?*) Один раз мы ходили, нас было пять человек, дак мы только из дома успели выйти, как уже другие гуляшники в тот самый дом заходят. (*Компании обычно из трех—пяти человек были?*) Да, да. (*А по десять человек?*) Нет, таких больших компаний не было.

(*Брали ли с собой палки?*) Да было... когда мы ходили, дак эти две Анни — Кокон Анни и Хипан Анни брали, ими еще потом стучали. (*А у других что было?*) Голик, голик, которым ноги вытирают, что если кто будет пытаться силой посмотреть (узнать), то по рукам хлестать. (*Голиком?*) Голиком, да этими, палками... Гуляшника нельзя трогать. (*Когда же все это было?*) Да это было уже... в шестьдесят первом году, да в те годы.

Елисеева Евдокия Карповна, 1909 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Натальей Поздняк и Лизой Рюткёля, 1995 г. Касс. 01/25; 02/5

VIERISTÄNÄ D'ORDANUA KYLPIET'TIH

Talvel' oli Vieristä, Puan'arveh tuldih hepozilla, hepozilla tuldih bruazniekalla. (*Mikä päivä se on, tämä Vieristä?*) Vieristä... meillä ved' kypiet'tih jovessa, pappi sluuži, nelläkulmane d'ordana luajittin, sinne naized, niin oldih boikoid, t'ötya t'ässä on vielä, bunukka Kokon tuuvalla piässä eläy, hänen t'ötya, muamoh šisko — butkahti. Muinäi hiljazeh totuttih... d'ordana nelläkulmani, siihe burahettih janvar'assa... sitä suurembuo pakaista ei ollun kun janvar'assa... Näilläi hiljazeh tässä laijassa ollah, siitä se muzikka hiljazeh lykkyää, siitä burahetah, siitä ruttozeh nošsaldaa utiral'nikašt, tuommoimi utiral'nikka on kuin miulla ikonašsa on, semmozella utiral'nikalla noštau, jotta luja pitäy olla muzikalla noštuaessa (käzipaikka), muutoma naini boikoi...

(*Vaatteissako kylvettin?*) Ei ku hoikašsa vuattiešsa, ei ole äijyä vuatetta, sitä panou kuivan šaal'an piäh, vielä kellojalkoih käy, zvoni, da kellojaloista šolahti — t'öuta se. Käy ristih, sitä poikki jovesta Šuarella st'ogaičči, vain lumi tornajau kun mänöy, d'uoksou... Vot kuin oldih, dak, boikoid rahvaš... ka nyd, nyd ollah ku torokanat, mitä vähän — d'oi kipeyytäh... Oi, Vieristänä oli väkie, a ku kaikki d'iä painu, kai vezi noužou, niin äijä jovella väkie...

(*Kävit sie jortanassa?*) En raukka, en mie käynyn. Mie jo varuššin kai, tuon uteral'nikan varuššin kai, pakšuna olin, a mamma ei lašken, mie olizin lähten, d'o varuššin. Velli šanou: lähe Dun'a, tämä nyt Oudi, läkkä mie noššatan, šanou, rutto siun noššatan, läkkä, ni ei mamma lašken, šanou, hulluksi tulou lapsi, libo iče, mie se olin raškaž, da pakšu olin, da vielä olin nuori...

НА КРЕЩЕНИЕ В ИОРДАНИ КУПАЛИСЬ

Зимой было Крещение, в Панозеро на лошадях приезжали, на лошадях приезжали на праздник. (*Какой это день, это Крещение?*) Крещение... у нас ведь купались в реке, поп служил, квадратную иордань делали, туда женщины — такие были бойкие — тетка здесь еще есть, внук Кокко живет там в конце, его тетка, сестра матери, прыгнула. Раньше потихоньку привыкали... иордань квадратная, в нее ныряли в январе... крепче мороза и не было как в январе... Вот так тихонько на этом краю стоят, потом мужик потихоньку подтолкнет, потом нырнут, потом быстренько поднимет за утиральник (полотенце), такое полотенце как у меня на иконе, за такой утиральник поднимет, крепкий должен быть у мужика (утиральник), некоторые женщины бойкие...

(*В одежде купались?*) Нет, в тонкой одежде, не было много одежды, потом наденет сухую шаль сверху и еще на колокольню сбегала, позвонила (в колокол) да вниз соскочила —

тетка их. Сходила к кресту, после как через реку на Остров стеганула — только снег лепит (из-под ног), как бежит... Вот какой бойкий народ ведь был... а теперь, теперь как тараканы, чуть что — уже и заболели... Ох, на Крещение было народа, ведь лед прогибается, даже вода поднимается, так много народа на льду...

(Сама-то в иордань ходила?) Нет, золотко мое, не была я. Я уже все приготовила, и утиральник приготовила, а как беременная была, дак мама не пустила, я бы и пошла, уже все приготовила. Брат говорит: «Пошли Дуня, Оуди то есть, пойдем, я подниму, быстро тебя подниму, пойдем». Дак мама не пустила. Говорит: «Ребенок помешанный будет или сама (помешаешься)». Я ведь на сносях была, с животом ходила, да молодая еще была...

Попова Ирина Македоновна, 1923 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 1999 г. Касс. 15/10

JORDANASSA REÄHISTÄ PIÄSTIH

(No, mitäpä Vierissänä, jordanan tehtihkö?) Ka, Vierissänä d'o... Vieristäh šuahe vain ni kuuneldih, a iče Vieristä-bruaazniekka ku tuli... ei gul'ašnikad enämbyä käveldy. Jordanua piettih, jordanua ne kylpiet'tih, jordanan luajittih ku tämä meijän peldo, šemmoini levie. (No, metrie kymmenen?) No, ei se kymmentä, no metrie viis-kuuži on kaikkienne päin. I šiitää, vot ken siul on ristimuamo ili ristituatto — vot sinne (siun) piti tulla da hypätä vet'eh — lykätäh silma, se ristituatto lykkyäy, i pyyheliiat pität sivottu, šiitää silma vejälletäh sielt. Se on jordanua kylpie, jotta riähkie poikes... no, jotta mändäiz jordanua kylpi(essä). No, i šiitää vielä piti, sielđä kun nossetih šilma, šiitää vielä mäne, kellonjaloissa oli kakstoista kelluo, kirikön, kolmet rappuzed noušša sinne pakkazella — a Vieristänä ved' on pakkazet — no, ni sielđä siidä vasta ku zvonid ne kaikki kakstoista kelluo, siitää vasta kotih juokset pereodevatsa. Vot kun oldih krepkoid rahvaž. Pereodeičiuvučit, tuled vielä sluužballa. Mie muissan ku monet kylpiet'tih.

(Oliko ne miehie vai naizie?) Ihan naizie da tyttöjä, näin, jo neičzyzie semmozie, da brihoja... (Oliko niilläkin riähkyö äijän?) Ka mindäh že ei, tottaže oli i niilläkin d'o riähkyö (nauraan).

(Kylpikö sairaita?) Ei hyö kaikki kylpiet'ty, ne vain rohkiemmat kylpiettih, jotta ket ei varattu, jotta terveyzie oli... Meijän täti oli, isän čikko Natalie, hän Kemissä šiitää i eli, kaheksankymmentäkolme (?) vuotta hänellä, i jesli hänellä vain ei olis se, hänellä oli n'apa pienestä šuahe, kasvo šuureksi, a vet' goorodas, ni ei käynyn lääkärilöih konsa, semmoni oli. No, ni hiän kačo kylpi sen jordanan... hänellä naverno oli vuotta kaksikymmentäviizi konža hiän kylbi sitä jordanua, no a šiitää hän Kemis miehellä ku mäni, da sielđä siitää i eli...

В ИОРДАНИ ОТ ГРЕХОВ ОЧИЩАЛИСЬ

(Что на Крещение, делали ли иордань?) А на Крещение уже... До Крещения только и слушали (гадали), а сам праздник Крещения когда наступал, то и гуляшники больше не ходили. Иордань была, в иордани они купались, иордань делали величиной с этот наш огород, широкую такую. (Метров десять?) Ну, не десять, а метров пять-шесть была каждая сторона. И потом, вот кто у тебя крестная мать или крестный отец — туда (тебе) надо было прийти и прыгнуть в воду — тебя толкают, крестный отец толкает, и полотенца длинные привязаны, потом тебя вытащат оттуда. Это — купаться в иордани, чтобы от грехов прочь, ну, чтобы пропали, когда в иордани купаешься. Ну, и потом еще надо было, после того как подняли тебя оттуда, потом еще иди, на колокольне было двенадцать колоколов церковных, три лестничных пролета подняться надо было туда на морозе — а на Крещение ведь мороз — когда там позвонишь во все двенадцать колоколов, то тогда только домой бежишь переодеваться. Вот какой народ крепкий был. А переоденешься, дак еще и на службу придешь. Я помню, не один раз видела, как купались.

(Это мужчины были или женщины?) Все женщины да девицы, уже девушки, да парни... (У них тоже грехов было много?) Так почему же нет, наверно, уж и у них грехи были (смеется).

(Купались ли больные?) Они не все купались, это только самые смелые (из них), которые не боялись (простыть). У нас тетка была, сестра отца Наталья, она потом в Кеми и жила, восемьдесят три (?) года ей, и если бы только у нее не было бы этого, у нее «пуп» (пупочная грыжа. — А. К.) был с детства, вырос большой, а ведь в городе ни разу к врачам не ходила, такая была. Так вот она купалась в этой иордани... ей, наверно, лет двадцать пять было, когда она в иордани купалась, ну, а потом она как в Кеми замуж вышла, так там потом и жила...

Попов Василий Македонович, 1926 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 26/7, 8

PYHÄLAŠKUNA AJETTIH KILPUA

(Muissat sie kuin pyhälaškuna ajellutettih?) Sen mie muissan hyvin, no, laitareillä... silloin korisettih hepozie. (Milläpä ne korisettih?) No, näin lentad sivotah aizoih, da vembrleih sivotah, da... (Minkävärzie ne oli?) No, mie nyd en muissa, ruškeida, naverno, enämbistö oli... No, šiinä kun ajeldih, ka elä mäne tiellä! Siinä kačottih kellä on paraž heponi.

(Aha, että siinä niin kuin kilpailu oli?) No, se oli ku kilpailu, no ei hyö näin, jotta rinnakkah ajettu, a toini toizel jälkeh. No, kylä myöt' e ajetah, dak šiinä-to kyličče ed mäne, no vot jovella vyiditah, ni siinä kačotah šiitā kenen se on heponi enžimäine. Sen mie muissan hyvin! (Jokiego pitkin ajettih?) Ei, kun hyö ajettih kylä, (ni) kätyih Šuaressa. Mie muissan hyvin kuin hyö ajettih — tuolda Alapiästä aletah ajua, no, tämä piä tästä puolen ajau, a se mierun tie oli, Pavlov St'epkan šiinä talo oli, šiinä Graffan taluo eu'le...

(«Mierun tie» sanottih?) No, mierun tieksi, mitä myöt' ei painuo vejetih, vot kaikki — heinällä lähetäh, šiitā poikki jovešta matattih. Tuosta se mäni, tuossa vanha Kokon talo oli tuossa, šen rinnocičči, ni šiinä mukka oli kak raz oikein šuuri. Ni siinä ku vauhtie hyvyä männäh, ni välillä ku lennetäh... Se piti mahtoa siinä rulie hevoista, jotta se ei... niin äkkie pyörähtää, jotta pyörähyttää jo rejed...

(Oliko ne pojat (ajellutajina?) Sielä pojad, miehed, tytöt, tyttöi ajellutettih... naizie mužikat šemmozet ajellutettih... vingutah šiitā, karjutah. (No, kuinka äijä (henkie) mahtui reken?) No, hengie nel'lä. Laitareki, dak. Sielä tytö pojant kera voi olla ili, možot, miež nuori naižeh kera voiz olla. (A muita sukulaizet ajellutti?) Dak, kyläläizet, kaikki tuttavat. Yksi šanou: tule miun kera, vot. Meidä-da äpärehiä ei otettu, konešno... (No, sielläkö laulettih?) Laulettih, da vinguttih, karjuttih mukissa niiz, siellähän lumi lendäy, ku heponi hellistäy semmoista kyytie, jotta...

(Oliko semmozie — kord'ksi vielä kututtih — pruazniekkarekilöi?) No, miehan sanon — laitarejet, polukrugloid laijad näin... laitarejet, jo melko korkiet laijat... (Oliko se semmoni kaitani?) Ei, ihan nastojaštšoista rejestä (otettu malli). Kaitazet ne nykyäh, mie kačon, venäläized näytetäh, tuommozed jalakset, nehän heti... a tämä oli ihan nastojaštšoi reki, melko levie, vot tämänmoini... Kolme hengie ihan voit sopie tuakše is't' umah. (Onko niitü vielä teillä tässä kylässä?) Ei, ei enämbyä. Niitü piettili tol'ko bruaazniekoilla ili kunne gostih lähettih, vot, šanomma täst' meildä Kurkeh ili D'uskärveh, vot, ne laitarejet otettih. No, hyö oldih kepied rejet, jalakset hoikad dai nyö oldih vähäistä lyhyemmät mitä nain kuormarejet. (Oliko raspisnoit?) No, ne oli kruassittu, maalattu vain kaikenmoizella väriillä, no, näin že kukkie sielä oli laitoja myöt' e kaikki... lauta hoikka, no, jotta kepie reki (oliz).

НА МАСЛЕНИЦЕ КАТАЛИСЬ НА ПЕРЕГОНКИ

(Помнишь ли, как на масленицу катались (на лошадях?) Это я хорошо помню, да, на лайтареки (сани с высокими краями. — А. К.). Тогда лошадей украшали. (Чем украшали?) Вот так ленты привязывали на оглобли, да на дуги привязывали, да... (Какого цвета они были?) Ну, сейчас не помню, красные, наверное, большинство были... Но тут как рассказывали, да тут на дорогу не ходи! Там смотрели (оценивали), у кого лучшие лошадь.

(Ага, значит, соревнование было?) Да, было как соревнование, но не так они, чтобы рядом ехали, а друг за другом. По деревне-то едут, да тут сбоку не обойдешь (не обгонишь),

а вот на реку выедут, дак там уже посмотрят чья лошадь первая (придет). Это я хорошо помню! (Вдоль по реке ехали?) Нет, когда они по деревне ездили, то заезжали на Остров (т. е. ехали поперек реки. — А. К.). Я помню хорошо, как они ехали — оттуда с Алапия (Нижний конец) начинают, а на этом конце со своей стороны едут, а там мирская дорога была, Степки Павлова там дом был, там (теперь) дома Граффа нет...

(Называли «мирской дорогой»?) Да, мирской дорогой, по которой грузы возили, все — вот за сеном поедем, дак в этом месте реку переезжали. Вот там она шла, там старый дом Кокко стоял, рядом с ним (проходила), дак там как раз поворот был большой. Там как на большой скорости едут, дак иногда как будто по воздуху летят... Это надо было там уметь управлять лошадью, чтобы она не... так быстро повернет, что вывернет и сани...

(Парни возчиками-то были?) Там парни, мужчины, девицы... девиц катали, женщин мужчины уже катали... визжат там и кричат. (Сколько человек в сани входило?) Ну, а человека четыре. Лайтареки, дак. Там девица с парнем может кататься или, может, молодой мужчина с женой. (А других родственники возили?) Да деревенские, все ведь знакомые. Один говорит: «Иди ко мне». Другой скажет: «Ко мне иди». Вот так. А нас-то, ребятишек, не брали, конечно... (Пели ли там (катавшиеся)?) Пели и визжали, и кричали на поворотах, там ведь снег летит, когда лошадь несется таким ходом, что...

(А были ли такие — называли их еще кордья — праздничные сани?) Да я и говорю — лайтареки, полукруглые края вот так... лайтареки, но, довольно высокие края... (Были ли они (сани) узкие?) Нет, прямо как настоящие сани. А узкие, они нынче, я смотрю, русские (сани) показывают (по телевизору. — А. К.), такие полозья, они же сразу... а это были совсем настоящие сани, довольно широкие, три человека спокойно назад садятся. (Есть ли они еще в вашей деревне?) Нет, нет больше. Ими пользовались только на праздниках, да если отправлялись куда в гости, вот, скажем, от нас в Кургиво или в Юшкозеро, вот тогда эти лайтареки брали. Да, они легкие сани были, полозья тонкие, да они были чуть покороче, чем грузовые сани. (Сани расписные были?) Да, они были крашеные, покрашены разноцветными красками, да так вот цветы были нарисованы вдоль краев везде... доска тонкая, чтобы легкие сани (были).

4. Народная медицина. Знажарство и колдовство

Бабкина Любовь Александровна, 1926 г. р., Сопосалма
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 25/2—5

MISTÄ TULOMINI VOI TULLA

Meillä šanotah, ku jotta mitä sielä rannaša pežet... da rugaičuvut, no šiitā mol heittäytyy. Šiitā pitäy uni nähä, jotta mistä se on. Ken niitā tietäy, ni niillä annetah niihi pielukshih, pane hoš paikka, no hoš tukkua vähäni, jotta hän nakis sitä unissah. Siitā kun unissah näkö... siitā ku šanou, siidä ruvetah piästämäh. Oli niitā tiälä, prostitih... (Sanottihko tietäjiksi?) No, tietäjä, raukan, tietäjä. (Mistä heittäytyy?) Konša mistä prikostiuuu. Ei pitäis semmosissa paikoissa, kalmizmualla ei pitäis rugaičiutuo.

(Mitä vielä oli?) Tuossa yks meijän kylässä, sanottih, että hän kipeyty... mečännenäksi šanottih. Oli hän ni bol'ničassa, oli hän ni kaikki... No, Olöksandra oli hänen piässän... Oli yks vanha akka meillä, hän kylyh käytteli da kylvetti, da piästi... (Mimmonipa se on, se mečännenä?) Se kipeytyy, olet ku, niin ku huimana olet... piähän nouzou... Mie muissan ku vot, babuška rasskazuyvaičči, šano, jotta tože yks mužikka... mi hänellä tuli siih piähäh, jotta eikä vračat, eikä... No, vanhat akad piässettih. Molitah da prostiuvutah, da molitah... (Mečännenä niin ku heittäytyy?) No, no... (Se niin kun mečästä tulou?) No, mečästä tulou, mečästä tulou.

(Tai siitā vejestä voi tulla?) No, vejestä tulou... (Kalmizmualda voi tulla?) No, no... (Mistä vielä? Tuulesta tulou?) Tuulesta tulou... Tuulennenä konža matkuau, tuulennenä... jotta ob'azatel'no

sitä varten panna kukkuo, silloin se kyličči silma proidiu, vanhat niin šano... Erähičči vet' se sattuu, jotta tuulenennä niin kauhie, se tulou kohti, konža venehellä hot' šouvat... aino varautettih... (*Semmoni pyörre?*) No, pyörre nouzou... (*Niin siitä voi zboleičie?*) No, void zboleičie... (*No, onko se ku šanotah, jotta tietäjä on lähettän sen?*) Ka, totta še on, ku šanotah...

ОТКУДА БОЛЕЗНИ МОГУТ ПРИЙТИ

У нас говорят, что если что там на берегу стираешь, да если ругнешься, то от этого, мол «накинется» (пристанет болезнь). Тогда надо сон увидеть, что откуда оно (пришло). Кто про эти (дела) знает, тому относят в изголовье, отнеси хоть платок, хоть волос немножко, чтобы он увидел во сне. Потом, как во сне увидит... как скажет, потом станут «отпускать». Были тут такие, прощались (просили прощения у духов-хозяев за пропступки заболевшего). (*Называли ли их знахарями?*) Ну, знахарями, дружок, знахарями. (*Откуда прийти может?*) Когда откуда прикоснится. Не надо бы в таких местах, на кладбище нельзя бы ругаться.

(*Какие еще были случаи?*) (Тут один) из нашей деревни, говорили, что заболел... от мечанинена (букв. «нос леса»), так называли. Был он и в больнице, был везде... Ну, Олек-сандря его «отпустила» (вылечила)... Была одна старушка у нас, она в баню водила да парила, так лечила... (*Какая это болезнь мечанинена?*) Заболеешь, как будто полоумный ходишь... в голову ударяет... Я помню вот, бабушка рассказывала, говорит, что один мужик тоже... что-то у него с головой стало, что ни врачи, ни... Ну, старухи вылечили. Молятся да прощаются, да молятся... (*Мечанинена тоже «накидывается»?*) Да, да... (*Он что, из леса приходит?*) Да, из леса приходит, из леса приходит.

(*От воды, значит, может прийти?*) Да, от воды приходит... (*На кладбище может пристать?*) Да, да... (*Откуда еще? От ветра тоже приходит?*) От ветра приходит... Тууленненя (букв. «нос ветра»), когда движется, тууленненя... обязательно ему надо кукиш показать, тогда он мимо тебя пройдет, старики так говорили... Иногда ведь случится, что страшный тууленненя прямо на тебя идет, когда на лодке гребешь... (об этом) всегда предупреждали... (*Это когда как смерч закручивается?*) Да, (когда) вихрь поднимается... (*И от этого можно заболеть?*) Да, можешь заболеть... (*Так ли это, как говорят, что колдун может тууленненя наслать?*) Правда, наверно, раз говорят...

Свинко (Филиппова) Мария Даниловна, 1920 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 1999 г. Касс. 12/18—20

Perepravassa olin mie des'atnikkana, olin siinä prijomšikkana. Erähän kerran... jo joki avautu, maijan loppu (mäni mittalemah tukkie)... Mie sielä, miula on skobka kainalossa, a kahen štaabelin väliin ku mäni, siinä on niin suuri kasa oksua, kuusen oksua, ta mie kuin lienen siih langezin niih oksih. Langezin da sen skobkan kavotin. (*Mimmonipa se on?*) Ka, se mittakeppi, millä hirsilöitä, tolšinu miärätä, keppi da siitä siinä semmoni kr'uuka, jotta sen kun tukin piäh panet, jotta miäryät... Siinä mattie kiskoin... kačo nyt, skobkan kavotin. Kävelin, kävelin siinä paikassa — en löyvä sitä skobkua. Tai vielä sanon, jotta joko se vetehisellä piti. A mie olin vezirannassa siinä... Tai niin läksin.

Tulin kotih, ka ku miulla rupei silmyä kivistämäh, sie užotko vai et! Ku silmyä rupei miulla kivistämäh, kun konža tulou se, ku šanotah koirannenä. Ku miulla tuli tähän silmäh ku herneh. Kun puolenpäivästä ildah (mie sielä puolenpäivän jälkeh i kävelin) mie kun en šua rauhua, kun miulla niin kivistäy piätä da silmyä... Pos'olkassa Anni-plem'annitsa näki unen, Anni oli nähnyn unissah milman. (Se čikollah šanou) kuule, kun mie nävin tänä päivänä unen... t'ot'a Marus'a missä ollou jeden rannassa ta ku mi ollou, šanou, avando ta ku hänellä on, šanou, on keppi kiässä, da ku sillä kepillä, šanou, vettä hämmendäy. No, hiän ku miulla sen unen šanou, ka mie mänen mamman luokse... Mamma šanou, no kun Anni nähnyn unen, ni mäne Rokitan buabon luokse. A Rokitin Anni-babka, tsarstva nebesno, hiän meillä Suares' tässä eli, sen Vit'kan talon takuana, ihan siinä rinnalla... Vet' šanotah: hätähini on hullu. (*Minä vuonna se oli?*) Se oli päes'at' dev'atyi got.

Mänen sittä sen Anni-buabon (luo), hiän, pokoiniekka, kakkaria paistau kiukualla huomeneksella. «Anni-buabo, mie tulin siun luokse dielolle». Mie hänellä šanon, jotta näin ta näin. Šanou, ladno, illalla lähemmä, ku šanou, rahvaž vakautah, ni siitä lähemmä. Ylen on tyyni, a meillä on pikkaraini veneh, soutuveneh, mamman verkkoliota sillä laski. Otamma sen mammari venehen, hiän, pokoiniekka, perässä on, mie šouvan dai mänemmä sinne. Mie sen paikan muissan, dai siihä mänemmä venehellä siihä paikkah. Hän miun ottau da prostittau... Läksimä. Šanou, jotta kun ottanou liäkkiekxes, ni tulou ylen uni, miullan uni tulou. Ni mie ku souvan, ni mie kaikki jo makuan, jo n'ukun... airoloida vain kiäässä pien, hiän huopiu, a mie jo makuan sielä... Nouzima huomeneksella, starikka miuh kačou, šanou: što, luče li? A hiän (Rokitan Anni) miulla šano, jotta šano ni mitä. Mie šanon: luče, ne luče, hänellä vastuan. Toizen kerran hän milma käytti, kolmannen kerran käytti, veimmä den'gat, maksoimma... tuo kato miulta, eikä silmyä miulda enämbyä kivissän, engä mie enämbyä nähnyt sitä i hernettä silmässeni...

A se miulla sieltä hettäyty, vot ku mie sielä kirovvuin, ni vot miulla veteihini i ando gostinčat... (*Mitäpä sie siinä teit?*) Ei ni mitä, ku seizoit vain da kačoit kuin hiän siulla luki... kačoit siih etehesh, siih kohtah missä se oli (tapahtun). (*Mitäpä se raha?*) Hobie raha, hän ei vielä vaškie ota. (*Sieko sanat sanot?*) Ka, mie šanon, siitä kun mänen maksamah hänellä. Kolmannen kerran ku mänen, siitä jo maksa maksut, vot. «Sie et taho vaškirahu, mie annan siulla hobierahan».

(*No, mitäpä toisella kertuo?*) Šamat sanat šanot mitä ensikerralla šanoit. (Minkälaiset?) No, ku vejen kera prostiuvut, ka šanot: «Vezi kuldani kuningas, veden suured, veden piened, vejen vallan vanhimmat, prostikkua milma, kun lienen mie teillä pahaziste šanon. Ottakkua poikež omana hyvänä, andakkua miulla poikež omani pahani». Sen ni verta. «Andakkua miulla kaikki andeiks». A kolmannen kerran ku mänet, ni sanot šamat šanat, šanot: «Nyt mie teillä maksan velkani. Työ että taho miulda vaškirahu, mie annan teillä hobierahan. Vaškiraha vaškeutuu, a hobieraha ei vaškeuvu. Tässä. Passibuo äijä. Prostikkua milma». I sen verta pitäy... tietyä ei pie äijyä...

Vielä se on ni siinä, jotta kenen veret siih passatah, vielä ei kaikkie prošken'n'oita i ota. (*No, a jos ei passua?*) Ka, silloin pitäy ečcie semmoni, kenen veret passatah. (*Tietäjä?*) Ka, tietäjä taikka ketä toista ihmistä. Hänen kera sie mänet. Hän šanou, dai siitä kolmannen kerran šanot ni sie iče. Ei pie äijyä tietyä.

(*A meččähistä käytihkö pakauttamassa?*) Ka, meččähizen kera samah tapah paissa onnakkoš.

На переправе я была десятником, работала приемщицей. Однажды, уже река освободилась ото льда, конец мая был (пошла измерять штабеля леса)... Я там (хожу), у меня скобка под мышкой, а между двух штабелей как зашла, там была такая большая куча веток, еловых веток, да я как-то там (поскользнулась) об эти ветки и упала. Упала и скобку эту потеряла. (Какая она, эта скобка?) Так, палка измерительная, которой толщину бревен меряют — палка да на ней крючок такой, его к торцу бревна приложишь и измеряешь... Ну, тут ругнулась я, смотри ты, ведь скобку потеряла. Ходила, ходила там — не могу найти скобку эту. Да еще сказала, что неужто она водяному понадобилась. А сама стояла у самого берега... Так и пошла (ни с чем).

Пришла домой, да как у меня глаз начал болеть, вериши или нет! Как глаз начал у меня болеть, так как ячмень вскакивает. На этом глазу у меня как будто горошина выросла. Как с половины дня до вечера (я там после полудня и ходила) никакого покоя мне нету, так у меня голова и глаз болит... В поселке Анни-племяннице сон приснился, Анни меня во сне увидела. (Сестре своей рассказывает.) Слушай, говорит, какой сон сегодня видела... тетя Маруся на каком-то берегу, реки и какая-то прорубь там, и будто у нее палка в руках, и этой палкой, говорит, воду мешает. Ну, она как мне этот сон рассказала, я к матери пошла... Мама говорит, ну раз Анни (такой) сон увидела, то иди к бабушке Рокитиной. А Рокитина Анни-бабка, царство небесное, она у нас здесь на Острове жила, сразу за домом Витьки... Ведь говорят, что когда спасения ищешь, то как полуумный становишься (на все готов).

Пошла я к этой бабке Анни. Она, покойница, с утра блины печет, у печи (стоит). «Ба-бушка Анни, я пришла к тебе по делу». Я ей рассказываю, что вот так и так. Говорит, ладно, вечером пойдем, когда люди успокоятся, потом, говорит, пойдем. Нет ни ветерка, а у нас маленькая гребная лодочка, мама на ней сетки спускала. Берем эту маминую лодку, она, покойница, на корме сидит, я гребу, и едем туда. Я это место помню, вот и подъезжаем на лодке к нему. Она меня тут и «отпускает»... Поехали (обратно). Говорит, что если помогать начнет, то очень спать захочется, сон ко мне придет. Да, я как гребу, уже сплю вся, весла только в руках держу, она подгребает (на корме), а я уже сплю там (на своем месте)... Утром проснулись, старик на меня смотрит, говорит: что, лучше ли? А она (Рокитина Анни) мне сказала, чтобы ничего не говорила. Я говорю: лучше, не лучше, ему отвечаю. Во второй раз мы с ней туда ездили, в третий раз побывали, деньги отвезли, заплатили... пропало все это у меня, больше ни глаз не болел, ни горошины в глазу я больше не видела, ничего...

А это ко мне там пристало, я как там ругалась (вслух), так вот мне водяник и послал гостинцы... (А что ты на том месте делала во время «прощения»?) Ничего, стоишь только да смотришь как она тебе читает (заговор)... смотришь вперед себя, на это место, где это было (т. е. где «пристало»). (А что деньги?) Серебряная монета, он ведь медных еще и не берет. (Ты слова говоришь?) Да, я говорю, когда иду платить ему. Третий раз когда придешь, тогда уже давай плату, вот. «Ты не желаешь медных денег, я дам тебе серебряную деньги».

(*Nu, a что во второй раз?*) Те же слова надо сказать, что и в первый раз. (Какие?) Ну, когда у воды прощения просишь, говоришь: «Воды золотой король, воды (т. е. водяные) большие да малые, да самые старшие, простите меня, если я плохо вам (чего) сказала. Возьмите свое добро, отдайте мне обратно мое худо». Вот и все. «Простите мне все». А когда в третий раз придешь, так те же слова скажешь, а (потом) скажешь: «Сейчас я вам долг заплачу. Вы от меня не хотите медных денег, я вам дам серебряную деньги. Медные деньги замеднятся, а серебряные не замеднятся. Вот (монета). Спасибо большое. Простите меня...» Всего-то и надо... тут немного надо знать...

А еще дело в том, какая кровь подойдет, еще не все прощения и примет. (*Nu, a если не подходит?*) Ну, тогда надо найти такого, у кого кровь подходит. (Знахарь?) Да, знахаря или какого-нибудь другого человека. С ним ты как пойдешь, да он слова скажет, а в третий раз ты сам скажешь. Много тут знать не надо.

(*A с лешим тоже разговаривать ходили?*) Да, с лешим, однако, так же разговаривают.

Попова Ирина Македоновна, 1923 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 1999 г. 16/24, 25

OL'OKSANDRA OLI KYLYLLÄ KYLVETTÄÄN

Miulla ku Piävuarašša šelkä... kun peșeytymmä kylyssä, a vet'tä lammit'et'tih pihalla. Hän ku kuuman šankon kera ku tuli, vezišankon kera - mie issuin ihan siinä, täys kyly ku kluubua varoin kiirehämä kaikki, yht'aikua šotkeuvumma kylyh — hän ku pyörähtää, da kun miulla ihan šelkäh koko šankon ko kuumua vet'täl! Alusta ku ando ku vilulla, mie vielä šanon: hyvä kun ei kuuma vezi, ka siitä en voinun ni ojeta. Siitä kuin pitäldi mie olin — engä voinun vuatetta piällä panna eikä parennun, ni mid liäkked ei otettu. Siitä miulan luajittih ku kl'ečikät da siitä puutka semmoni rekeh i siitä tuotih milman kotih i Ol'oksandra se miulan kylyllä kylvetti. Kolme vai nel'lä kertuo lienöy kylvettän dai proidi... Hän oli ylen hyvä akka, nyd händä dei olle ammuin. (A familja mikä hänellä oli?) Ka, Pavlova oli hänellä, manderelda, ei heijin taluo ole enambi. No a hänen plem'annikkä Stepan Markovits, nytki eläy.

(*No kuinba se piästi sen?*) Kylyllä, kylyllä, mitä lienöy sielä sepsootti, sepsootti, da kylvetti, dai pareni kaikki. Vassalla kylvetti. A miun veikolla Vaskella, ku silloin t'ervalla polttetih, t'erva kuattih ičelläh jaloilla, ni hänen oli ihan suonen piät kaikki palettu, ta koko kežan näin tiho käveli, ni se niiz akka kylyllä kylvetti. Kylvettäy da lukou.

Hammašta kivistäy tože. Kun kerran hänellä ylen kivistä hammašta, han ihan hulluna oli, ni Vit'kan Man'un muammo hän tieži hammašta, hammaškipuo. Hän šitää... a Vaske ei hänen kera lähe kylyh, varajau, jotta pitäy jaksautuo. A hiän käski kylyn lämmitt' eä min'n'alla da siit' vijä kylyh uuven vassan. Hän šanou: mie en lähe hänen kera kylyh. Sanou: läkkä, läkkä, elä varaja, ei pie siun jaksautuo, eikai mie jaksauvu. Kylyh mändih, da kylys seizoal'l'ah siinä kiukuan iesä kylvetti, dai hiän siitä ku tuli, kun uinozi, niin ku melkein kahed vuorokauved makazi. Muinozed akat tiijettih, kačo.

ОЛЁКСАНДРА ЛЕЧИЛА БАНЕЙ

У меня как в Пиявуара спина... в бане мылись, а воду грели на улице. Она как с ведром горячей воды пришла — я сидела прямо тут (на входе), баня полная народу, все спешили вымыться перед клубом (танцами), одновременно в одну баню забрались — она как повернется, да как мне прямо на спину все ведро горячей воды! Вначале обдало будто холодом, я еще и сказала: хорошо, что не горячая вода, а потом уже и разогнувшись не могла. После этого я долго такая была — не могла и одежду на себя надеть и не поправлялась (вовсе), никакие лекарства не брали. Потом мне сделали как плечики да будку такую в сани, привезли домой, и Олёксандра меня в бане парила. Три или, может, четыре раза попарила и прошло... Она очень хорошая бабка была, сейчас уж ее давно нет. (А фамилия ее какая была?) А, Павлова она была, с Мандеры, их дома уж нет больше. Но, а племянник ее Степан Маркович и сейчас (в деревне) живет.

(И как же она вылечила (ожог)?) Баней, баней, что-то там шептала, шептала да парила — все и поправилось. Веником парила. А у моего брата Васке, когда сожгли смолой, смолу вылили себе на ноги, у него прямо все концы сухожилий обгорели, да все лето так тихонечко ходил, дак та же бабка в бане его парила. Парит и наговаривает.

Зубы тоже, бывало, болели. Один раз как у него очень зубы разболелись, он прямо как полоумный был, дак Витъкиной Мани мать, она знала про зубы, как зубную боль (лечить). Ну, она... а Васке с ней не идет в баню, боится, что раздеваться придется. А она наказала невестке баню истопить да потом новый веник туда отнести. Он говорит: «Я не пойду с ней в баню». (Она) говорит: «Пошли, пошли, не бойся, не надо тебе раздеваться, да и я не буду раздеваться». В баню пошли, да в бане, стоя у печи, его попарила, а он, как потом пришел, как уснул, дак почти двое суток спал. Прежние бабки, они, видишь ли, знали.

Свинко (Филиппова) Мария Даниловна, 1920 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 1999 г. Касс. 12/16

(Ku milma lapsena gul'ašnikat pöllätti), ni mie vielä pität päivät varazin. Mie, kačo, niin pöllässyin, jotta mamma siitä meijän ihan tietäjä kävi ečimäh, jotta... miulda pölässys otettais. Oleksandra-buabo siitä milma kolmessa kylyssä kylvetti. Parenin mie siitä, mie siitä heitin varajannan. (Oleksandra) monie rahvašta piästi... Popovin peräzie (on ollut), jo on ammuin se buabo kuollut. Hiän gryyzasta tiezi, dai polästyksestä tiezi, dai monesta paikasta autto, dai mečännenästä autto, oi, oli sitä ennen tietäjyö...

(Меня как в детстве гуляшники (ряженые) напугали), так я еще долгое время боялась. Я, видишь ли, так напугалась, что мама наша даже захарей ходила искать, чтобы... у меня испуг сняли. Бабушка Олесандра потом меня в трех банях парила. Я от этого поправилась, я потом перестала бояться. (Олесандра) многим людям помогла... Из (рода) Поповых (была), уже давно эта бабушка умерла. Она знала (как) от грыжи (избавляться), от испуга, от многих (болезней) помогала, да и от мечанинена могла помочь, ой, было раньше захарей-то...

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.
Попов Виктор Алексеевич, 1931 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 22/12

T'yttö meillä, Val'a kun itki... yöllä ku tulou nel'l'a kello, siitä ku hän rupieu itkömäh... Muamo že sano, jotta käytä tyttyös Kemih, jotta mi hänelläh on. No, mie siitä ku läksin Kemih, Anni-čikkos luona ku yötä olin i kak raz oli Kepalda se Ol'o-čikkoš, no i myö hänen kera sattuma yhessä huonehessa mak... venytämmä muata, a še tyttö se miun kera makai... Še kun aika tuli, nel'lä kello, tyttö ku rupieu itkömäh i siitä vielä kun näin noušou, šanou: oi kun tuoša riippun niitä pokon'n'ekkoja! A siitä kun huomeneš tuli, šanou tämä Ol'o, hänen (miehen) čikko, šanou, elä vie t'yttyö šairalah, šuata t'yttö kotih. Šuata tyttö kotih, šanou, ta löyvää... käy Ol'oksandran luo... (Minkäikäni oli se tyttö?) Vielä ei kouluo käynyn.

Tulimma pois t'anne kotih... Hän (miehen äiti) šiitä mäni, miun äiti jo oli kuollun, a hän siitä mäni, da Ol'oksandran kuču yöksi meille tänne. Siitä myö venyttäytymä, sinä yönä t'yttö ei it'e. Siit toisena piänä tuaš ku tuli, t'yttö tuaš ei it'e. No, šanou, mie tulen vielä kolmannekš yöks. Kolmannekš yöks ku tuli tai t'yttö rupei it'kämäh. Hän šanou miulan: lämmitä vain kyly. (Yöllä?) Ei, aamulla šiitä. Mie siitä lämmitin kylyn, no siitä hän šanou, jotta tuo tyttö miulan jälkeh, no, takakannalla, šanou, avua ovet... (Kylyn ovet?) Kaikki ovet, no, tai, šanou tytön ku otat kätkyöstä, viet hänelläh, ni siitä ku mänet, ni... käske panna spiičkua da veičen sinne, pieluksih, poduškan alle työllä... ihan prosto näin, spiičkat ne korobkan kera, "Hospot' blahoslovi" kaski šanuo. No, ta šiitä panin sen poduškan, a šiitä mänin sen t'ytön käyn sieltä. Tytön kun toin ysässä, šiitä mie hänen pänin sillä tilalla. T'yttö uinoi heti... huomenekšella kun nousi, t'yttö ei kai enämpi šiitä šuat'e it'kämäh ruvennun, sihi kaikki proiti.

(No, ni mikä se tauti oli?) A hänelläh oli se tauti, se kun Požarskoin Marina-rukka kuoli, no, a myö läksimmä sen t'ytön kera sinne kalmismualla. Mie ku läksin, a t'yttö miulan šanou, jotta mama, mie lähen siun kera. A myö šiitä siinä seisomma, a sitä ku kuletettih grobuo, t'yttö se niin ku kačo šihi, hänellä se silmih jäi... pokoiniku sitä kačo... ta hän vot aina siitä yht'eh aikah yöllä rupei it'kämäh... A tiälä hän ei sitä šanon, jotta pokoiniekat riputah, a sielä Kemissä siitä šano. Mie häntäh ličkuan ičieni vasse näin, a ku hän vielä unissahko vai mitä miusta lykkäytyis poikes, ta siitä karjuu, jotta pokoinikat ku r'putah, pokoinikat riputah... niin ku lakiezesta.

Potomušto händah nän... (Mitä oli?) Nän'kin'ä oli meillä... se akka, kumbane kuoli. (Jotta se oli tuttu (lapsella, se) pokoinikka?) Tuttu hän meillän oli, aina ku myö lähemmä tanssiloih Vit'kan kera... ni hän tässä oli sen Val'an kera... Kun pitälti hän sitä kačo, pitälti kačo siihi pokoiniekkah. Se voit silmih jiähä...

Дочка у нас Валя, когда плакала... ночью, как только четыре часа наступает, она начинает плакать... Мама (свекровь) сказала, что свози девочку в Кемь (проверить), что у нее такое. Ну, я как поехала в Кемь, (обращается к мужу) у сестры твоей Анни ночевала, и как раз была там из Кепы (вторая ее) сестра Олё. А мы сней оказались в одной комнате... ложимся спать, а дочка со мной в одной кровати спит... Вот время подходит к четырем, дочка как стала плакать, а потом еще как встанет (в кровати) да и говорит: «Ой, там покойники (с потолка) висят!» А как утром настало, мне эта Олё, его сестра, и говорит, что не отправляй девочку в больницу, отвези девочку домой. Отвези ее домой и найди... сходи к Олёксандре. (Сколько лет было девочке?) Еще в школу не ходила.

Приехали обратно сюда домой... Она (свекровь) пошла, а моя мама уже тогда умерла, она потом сходила да Олёксандру позвала к нам на ночь. Ну, легли мы, а в ту ночь девочка не плакала. Потом на другой день она пришла, девочка опять не плачет. Ну, говорит, я приду еще на третью ночь. На третью ночь как пришла, девочка моя заплакала. Она мне говорит: «Истопи баню». (Ночью?) Нет, утром, потом. Я после баню истопила, а она говорит, что принеси девочку вслед за ней (в баню), а двери открывай пяткой. (Банные двери?) Все двери. Ну, и говорит, девочку как возьмешь из люльки и отнесешь ей (в баню), то когда вернешься, дак она наказала положить спички и нож туда, в изголовье девочке, под подушку... Просто так, спички в коробке, «Господь, благосло-

ви», — велела сказать. Ну, положила (все под) подушку, а потом пошла, взяла ребенка оттуда. Дочку принесла на руках, а потом положила ее на это место. Девочка заснула сразу... утром как встала, так больше с того дня и не плакала, все и прошло.

(И что это за болезнь была?) А у нее такая болезнь была, что когда Пожарская Марина-покойница (rukka — говорят о покойниках) умерла, мы с дочкой пошли на кладбище. Я как пошла, а дочка мне говорит, что, мама, я пойду с тобой. Мы потом там стояли, а когда гроб мимо проносили, дочка моя как посмотрела в него, так и осталось у нее это в глазах... на покойницу посмотрела... вот она каждый раз в одно и то же время ночью начинала плакать... А здесь она этого не говорила, что покойники висят, а там, в Кеми, сказала. Я ее прижимаю к себе вот так, а она еще во сне ли или как вырывается и кричит, что покойники висят, покойники висят... как будто с потолка.

Потому что ее нянь... (Что делала?) Нянькой была у нас эта бабка, которая умерла. (Знает (ребенку) покойница была знакома?) Знакомая она нам была, всегда как пойдем с Витькой на танцы, то она здесь с Валей оставалась... Она как (слишком) долго на нее смотрела, долго смотрела на покойницу. Это может в глазах остаться...

Елисеева Евдокия Карповна, 1909 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Натальей Поздняк, 1995 г. Касс. 02/23—24

T'otka tässä eli, roskulačittih hiäd. Niiže rodimets lapsessa oli, kai valkiessa vuahessa tämä poika oli kätkyössä... Ei ni piästän oma se, ämmö, ku oli omua verta, no sit'te t'ämä piäst', naapuri sen pojан, niin poltti rodimets, muokkai... (Mitä hän teki?) Ka, no vot vielä min lienou mat'erian levittän, mat'erian levitti, oved avazi, sit'ä luki — piästi, piästi pojан tämän... (Kuka oli se tietäjä?) Ka, hän'en, L'uban muamon miehen čikko, Ol'oksandra. No, vielä oli se ni vähän gluhoi, ku kožešša oli, kožešša pieksi hänen. (Hänen) muamoh oli Firsovna, izännimi, Vasilisa Firsovna, mi ollou familja, en muissa familjua, kačo, hän on Suopašsalmen famil'lalla, eule Puan'arven ni familja...

Тетка здесь жила, раскулачили их. Тоже родимец был у ребенка, весь в белой пene мальчик в колыбели был... Своя бабушка не смогла вылечить, как своя кровь была (родственница), ну а потом соседка вылечила этого мальчика, так родимец жег, мучал его... (Как она лечила?) Так вот, какую-то материю расстелила, двери раскрыла, а потом слова говорила — «отпустила» (вылечила) мальчика этого... (Кто эта знихарка была?) Так ее, Любиной матери, мужа сестра, Олександра. Она еще была немного глухая, оттого что в пороге побывала, в пороге ее побило... Ее мать по отцу Фирсовна была, Василиса Фирсовна, а что за фамилия — не помню фамилии, она, видишь ли, на сопасальской фамилии была, даже не панозерская и фамилия-то (была у нее)...

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 22/3—4

KUIN ROŽUA PARANNETTIH

(Mimmonipa še roža on?) Ruškie semmoni tulou jalkah tai hoš mihi kohtah — kät'eh voit tulla, vaikka mihi kohtah se roža tulou. (Sanottihko jotta se heittäätyy?) Ei, ei, še ei ollun heittäätyyn, še niin ičestäh se... (Mätäniko še vai mitä?) Ei še tätä kyllä mätänyt eikä mitä, še niin kuin kivuilla piti, da se roža (oli) ruškie, da kaikki... (Kuinpä šiitā piässettih?) No, šiitā jos kellä on kuukauset, annetah se, ripakko se pannah siihi, no, šiitā pietäh, siillä piässettih, sillä verellä. (Ripakko siihi...?) Še kiäritäh jalkah, ta šiitā pietäh sielä. Kolme-nel'lä päivyä šitā pietäh ummešsa. Jos ei proidi, šiitā uuvellah vielä pannah...

(Mainittihko teillä muahista?) No, sen mie olen kuullun, jotta muahine on, muuta en tijjä. (No, jotta še oli tauti?) No, še oli tauti.

КАК РОЖУ ЛЕЧИЛИ

(Какая она, эта рожа?) Красная такая, появляется на ноге или хоть где — на руке может быть, хоть на каком месте может появиться. (Говорят ли про нее, что она «приступала», по аналогии с выражениями «приступило» или «пришло от воды, от леса» и т. д.?) Нет, нет, она не «приступает», она сама по себе... (Нагнаивалась ли она или как?) Нет, она вообще-то не гнаивалась и ничего такого, она болела, да красное (это место) было, да все такое... (Как от нее избавлялись?) Ну, вот если у кого месячные, дадут эту тряпку, положат ее на это место и там держат. Так избавлялись (при помощи) этой крови. (Тряпку сверху положат?) Ее привяжут к ноге да так и держат там. Три-четыре дня закрытой держат. Если не пройдет, то снова кладут...

(Рассказывали ли у вас про муахине?) Ну, это я слышала, что муахине есть, а больше не знаю. (Что это, болезнь такая?) Да, это болезнь была.

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 22/15, 18

MITÄ TUULELLA VOIJAH TYÖND'IE

Mie olin sairalassa kuuškymmentä kakši vuotena, ni yksi naine kun (sielä) oli. Hänellä ku rupei hibie kupajamah, siitä ku näin hiero — sieldä daže opilkkuo nouzi nahkasta, semmoista tuhkuo. (No, mipä hänellä on ollut?) Ka, ei ne liäkärit siinä i mitä šanottu. (Jotkut šanou, jotta se mmmoni on niin kuin lähetetty tauti?) No, niin šanotah, sen mie olen kuullun, jotta se tuulelta on tullun, šanotah. Se sei šanotah, jotta ken kačcon on sen lähettän siită, tuulella on toimittanut sen. Tuulella toimittau, da siită sen šanou, jotta sen nimen da vielä kaiken... No, semmoista siită kuin höyhentä, da niin kun peskuo, da opilkkuo.

Han niin kerto siinä, jotta hänen miehellä oli pol'ubovnitsa i se... hänelläh lähetti sen. Han niin kerto, jotta no kuin lienoy sielä oldu, yhessä sielä juotih, a siită se pol'ubovnitsa händäh purrun, oli ni ku suutelomah ruveta, a oli purrun. A siidä oli ottan paikan, da siită paikalla oli pyyhkin sitä ver'tä. Šanou, hän pyyhti, a mie šanon: anna miulla se poikeš, jotta mie sen pesen. Hän šanou, jotta en anna, jotta mie tämän iče pesen. No, i siită hän aina sitä šano, jotta hän miulla tämän tuulella työnži.

ЧТО ПО ВЕТРУ НАСЛАТЬ МОГУТ

Я в больнице была в шестьдесят втором году, там одна женщина была. У нее начала кожа чесаться, она как начала тереть ее — оттуда даже опилки пошли, из-под кожи, да как зола такая. (Что с ней было?) Да, врачи ничего не говорили. (Кто-то говорит, что такая болезнь бывает наслана?) Да, так говорят, я слышала, что от ветра приходит. Так как раз и говорят, что кто-то наслал ее по ветру. Нашлет на ветер да еще скажет слова эти, имя его (адресата), да все остальное... Вот такое — как перья, да как песок, да опилки...

Она так рассказывала там, что у мужа ее была полюбовница, и она... ей наслала ее (болезнь). Она так рассказывала, что как-то они там были, вместе пили, а полюбовница эта ее укусила, хотела будто поцеловать, а сама укусила. А потом взяла платок и платком вытерла эту кровь. Говорит, она вытерла, а я говорю: отдай мне его (платок), что (мол) я его выстираю. Она (полюбовница) говорит, что не отдаам, что я его сама выстираю. Ну, и после она всегда говорила, что она мне эту (болезнь) по ветру наслала (наговорив на кровь соперницы).

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.
Попов Виктор Алексеевич, 1931 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 22/20—21

ТИЕТАЙА РОКИТАН АNNI

(Teijän naapurina oli tietäjä—akka, mitä hän ruato?) Se luadi pahua, se kun varasti, kolhozasta sieldä varasti. Tuolla perässä oli meillän se In'on Anni, se oli kak raz brigadiirina... Hän sielä

šano, jotta tietäjä-Anni oli varastan. Siitä suudittih Annie, tietäjä-Annie, pantih tyrmäh, siitä šanottih, jottä hän sieldä tuulenennässä työnzi sille Annille sen kivun. Se oli niin saizaž, jotta händäh saunah käytettih, daže vilttilöillä kannettih, hän ei vojun kävellä. No, a siitä hän... sielä oli Timoija tuolla Šommalla. Šommalla siitä käytih, jotta se hänen piästäy. Timoija händäh kylissä kylvetti, no piäzi hän siitä niiin kun kävelömäh, a siitä ku se Anni tuli tyrmästä, ku kaksi vuotta is't'u, tuli tyrmästä, ni siitä šano, jotta mie olizin iče hänen piästän puhtahakši. Kun mie työntzin hänelläh, šano, mie hänen ku kipeytin, mie olizin iče i parendan. (No, eiko kokonaan parannun?) No, ei se kokonah, no piäzi hän jotta jaloilla käymäh, jotta ei sitä kannettu enämpyä. (Minä vuonna tämä oli?) Ka, tämä oli sovan aikana... ozrua da ruista skluadasta varašti... Ei hänellä ruohittu i vaštah šanuo.

КОЛДУНЬЯ РОКИТАН АННИ

(У вас по соседству колдунья жила? Какими делами занималась?) Плохими делами занималась, она воровала ведь, колхозное (добро) воровала. Там, в конце у нас жила Иньон Анни, она как раз бригадиром была... Она там сказала, что колдунья эта Анни — воровка. Потом (колдунью) Анни судили, посадили в тюрьму, а потом рассказывали, что она оттуда по ветру (*tuulenennässä* — см. выше) наслала (бригадиру) Анни болезнь эту. Она была так больна, что (когда) ее в баню водили, так даже на одеялах несли, она ходить не могла. Ну, а потом она... там, в Шомбe, была Тимоиха. В Шомбу ходили (просить), чтобы она ее вылечила. Тимоиха ее в бане парила, ну, стала она после того вроде как ходить, а потом как эта Анни из тюрьмы вернулась, как два года отсидела, пришла из тюрьмы, да и потом сказала, что я сама, мол, вылечила бы ее до конца. Раз я ей наслала (болезнь), сказала, я как сделала ее больной, так сама бы я и вылечила ее. (Что, до конца так и не поправилась?) Нет, не до конца, ну, стала она на своих ногах ходить, что не носили больше (на руках). (В каком году это было?) А это было во время войны... ячмень да рожь со склада воровала... Ей (деревенские) боялись даже слово поперек сказать...

Попова Ирина Македоновна, 1923 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 1999 г. Касс. 15/18—20

Rokitinan babka oli paha babka. Tiezi se i hyvyä luadie. Hän, vot naprimere, veren pyzäytti da sitä kivut pyzäytti, da, no a tiezi se i pahuo. Sitä varattih kaikki... (No, ku zboleičči jos ken, ni mäntihkö hänen luo?) No, ka ken ku oli hänen kera hyvässä väliissä da kai, ni sille hän autto, a kenen kera oli viha, ka... Se öillä käveli kalmizmualla, tietohuizie keräzi siitä, da... (Mitäpä hän, muldua (otti)?) Muldua, muldua kävelöy, da kivizie sieldä ottau, da...

Tuolla yhällä naizella ku poika hukkui hänellä, hän ylen itki poikuo. Ni hän kăški hänelläh kalmizmualda käyvä, ottua kolme kivie da niidä kannella ielläh čigarešša. Hän vähän što huimenou, hän ihan tulessa palo koko ajan, da ku paheni se kai... Siitä jo hänelä rahvaž revuttih šanomah, jotta ni šiulla oikein on. Hiän šanou, jotta vot niin da niin. Šanotah, ota ne kived da mäne lykkäy sillä akalla, mänkäh viekäh tilalla, ni šiitā (tietäjä)... kăški, jotta mängyä iče viekyä... Ni siitä hän kun ne kived vei, ni siitä piäzi, a to eullun rauhuo hänelä... (No, jotta se kalman väki?) No, kalman väki, kalman väki!

Mie ku kaupassa ruavoin, ni hän miulla toko poikuo kačo... mie läksin (kauppan) andamah produktoja, hän pojant kotihis (otti)... Mie jotta lähen makuan sen akan luo. Mie kun mänin hänen luo, ni hän yksinäh ei ruohtin koissah muata. (Se Rokitinan Anni?) No, Anni, Anni. Hän ei ruohtin koissah muata. Hän kun niin äijän koldovstvuičči dai, hänelä rauhuo ei annettu ni kalman väki. Ku hän siitä miulla starinoičči. Mie kun šanon: mindäh sie et koissas makua? Hän šanou, kuule mie siulla šanon: mie en voi muata koissani, mie, šanou, kun kävelen da otan kalmizmualda muldua, ni miulda siitä kzytäh ruatuo, ni kalmaväki. Ku kakštoista čuassuo tuloi yöllä, kalmaväki tullah miulda ruatuo kyzymäh: anna hož midä ruatuo! Ed anna — koissaž ed ole! Ruvetah, šanou, murottamah, da lossimah, da...

(Oliko hänelä suvussa niitä tietäjie?) Hänelä oli äiti tietäjä. A heijän siitä pitäy se, kun jesli hän jo vanhenou, no... heijän pitäy peredajia omah tietoh toizella, a to kuolla ei voi. Oi ku hän

millä keinoi pieksäty! Hän zavodi kuolla Avneporogašša tyttären luona kun oli. Ni ei voinut sielä kuolla, tuotih siitä kotihis, ni siitä ku peredaičči sen tietohuizeh nuorimmaan tyttärellä, niin siitä vasta kuoli. Kaikki vuat't'iet piälädä revitti, iče revitti ičelläh piälädä... (Mitäpä pahuo ruattih ne koldunat?) Ka, vot. Kellä mitäiki. Keldä žiivattua uničtožaitih, kellä rahvahallia (vietih) tervehyen...

Рокитина бабка была плохая бабка. Умела она и добро делать. Она вот, например, кровь останавливала и боль вылечивала, да, но знала она и плохое. Все ее боялись... (*Ну, а если кто заболеет, то шли ли к ней?*) Ну, если кто был с ней в хороших отношениях и прочее, тому она помогала, а с кем вражда была, дак... Она по ночам ходила на кладбище, (там) «знания» собирала, да... (*Что она брала там, землю?*) За землей, за землей ходила, да камешков там наберет, да...

Тут у одной женщины, у нее когда сын утонул, она очень по нем плакала. Она наказала ей сходить на кладбище и оттуда взять три камня и носить их в уголке платка. Дак она почти что полоумной стала, она прямо в огне горела все время, да все хуже становилось... Потом уже люди ее стали спрашивать, что с тобой такое. Она и сказала, что вот так и так. Говорят, возьми эти камни да пойди и брось их этой бабке, пусть отнесет на место, ну, а потом (колдунья) сказала, что идите, сами отнесите... А потом, как она те камни отнесла, дак после и отпустило, а то не было ей покоя... (Это калман вяки (мертвецы) что ли (не давали ей покоя)?) Да, мертвцы, мертвцы!

Я когда в магазине работала, дак она у меня с сыном сидела... я пошла в магазин продукты отпускать, а она ребенка к себе домой (взяла)... Я (решила), что пойду переночую у бабки. Я как пришла к ней, дак она у себя дома и спать боится. (*Рокитина Анни?*) Ну, Анни, Анни. Она боялась дома спать. Она как много колдовала, дак ей мертвцы покоя не давали. Вот она про это мне рассказывала. Она говорит, слушай, я тебе скажу: я не могу спать дома (одна), я, говорит, как хожу да беру землю с кладбища, так у меня потом мертвцы работу требуют. Как ночью двенадцать часов наступит, мертвцы приходят у меня работу спрашивать: дай хоть какой-нибудь работы! Не дашь — дома тебе не быть! Начнут, говорит, все ломать, да стучать, да...

(У нее в роду колдуны были?) У нее мать была колдунья. А им потом надо, если уже состаришься, дак... им надо передать свои знания другому, а то умереть не смогут. Ой, как она билась! Она начала умирать в Авнепороге, когда у дочери была. Дак не могла ведь там умереть, привезли потом домой, и только когда передала знания эти младшей дочери, то только потом умерла. Все одежды на себе изорвала, сама на себе все порвала.... (Что плохого эти колдуны делали?) Да вот. Кому что. У кого скот уничтожали, у кого здоровье портили.

5. Домашнее стадо. Хозяйка дома и хозяйка хлева. Разговор с лесовиком

*Свінко (Філіппова) Марія Даниловна, 1920 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкхой, 1999 г. Касс. 13/3-4*

KUINKA AHONI MARI LEHMYÄ OSTI

Myö ku tulimma viiskymmentä seičemenn vuotena tänne, miulla oli kaksi lehmyä, tiineh lähtömä, kaksi vaskkua, kaksi sikua... (*Mistä tulija?*) Šommalda tulimma. Miulla oli kaheksantoista kanua, mie tulin kuin kulakki, Šommalla myö pitimmä šuurta hoz'aistvua izännän kera... Mie, ku rupesimma tätä taluo ostamah, miulla rahua ei ollun, mie möin yhen lehmän, möin tiinehen lähtömän, möin kaheksan kanua, kaksi sikua i tämän talon ossin, yheksän tuhatta. Silloin eullun šuurend ne rahasummat.

No vot, i tuli miulla ostaja Kepalta, Ahoni Mari... Hiän miullan šanou, pokoiniekka, jotta Maikki hoi, mie lähen illalla (lypsämäh), annatko miun lypsäy... Mie šanon, mäne vain. Mäni,

lypsi lehmän, jotta ottauko hän, kačcou, jotta onko maijolta hyvä, ta kuin... onko vakava... Mäni, tuli, šanou: Man'u, mie siulda tämän lehmän otan. No, kun otat, ni hyvä, kolme ja puoli tuhatta silloijessa rahassa. Huomeneksella hän kävi, iče lypsi lehmän, sen maijon hän ottau matkahaš. A Šommalla vuottau auto, jotta Šommalta hän sen lehmän viepi autolla... Otti lehmän liävästä, ni sie ušotko, miulla oli kumma, kun otti sen lehmän liävästä. Toi sen lehmän miulla eteh, mie seizon, šanou miulla: vain elä it'e. Mie šanon: en, en, en Mari-t'otka, en it'e. Vanha akka, jo vuotta kaheksankymmendä hänelläh. Šanou lehmällä, jotta no, nyt anna passibo, prostiuvuna emändäš kera i, sie ušotko, lehmä etujaloilla kävi polvillah, etujaloilla ryöpsähti! Sie voitko uskuo sen vain et. Mie olen sen šanon kaikilla. Vot oli se ottaja! I myö läksimmä viemäh händä venehellä ymbäri... emmä lähten uittamah... No, ni ku panimma händä veneheh, ni ku hiän astu, tämänmoini oli kaita lauta, jota hän mäni veneheh... i seizattautu niin kun olis sen emännän kera ollun ilmeten iät. Seizattautu da vain seizou... Vot oli ottaja! Ni mie kaikičči žaleičin miksi mie en ottanut häneldä sitä koldostvua.

КАК АХОНИ МАРИ КОРОВУ ПОКУПАЛА

Мы когда в пятьдесят девятом году сюда приехали, у меня было две коровы, беременная телка, два теленка, две свиньи... (*Откуда приехали?*) Из Шомбы приехали. У меня было восемнадцать кур, я, как кулак какой, приехала, в Шомбе мы с хозяином (мужем) большое хозяйство держали... Я, когда стали этот дом покупать, у меня денег не было, я продала одну корову, продала беременную телку, продала восемь кур, две свиньи и купила этот дом, девять тысяч. Тогда ведь небольшие эти денежные суммы (цены) были.

Ну вот, и пришла из Кепы ко мне покупательница, Ахони Мари... она днем пришла. Она мне говорит, покойница, что послушай, Майкки, я пойду вечером (доить), дашь ли мне подоить корову? Я говорю: «Иди, иди». Сходила, подоила корову, что возьмет ли ее, посмотреть хорошее ли молоко, да как... спокойная ли... Сходила, пришла и говорит: «Маню, я у тебя эту корову возьму». Ну, как возьмешь, так хорошо, три с половиной тысячи теми деньгами.

Утром она сходила, сама подоила корову, молоко это берет с собой. А в Шомбе машина ждет, чтобы из Шомбы корову эту везти в Кепу... Вывела корову из хлева, дак веришь ли, было мне удивительно, как она корову из хлева взяла. Привела эту корову, поставила передо мной, я стою, говорит мне: «Только не плачь». Я говорю: «Нет, нет, не буду, Мари-тетка, плакать». Старуха уже, лет восемьдесят ей. Говорит корове, что ну, а теперь «отдай» спасибо, попрощайся со своей хозяйствкой, и ты веришь ли, корова на колени встала, упала «на передние ноги»! Ты можешь поверить или нет. Я уже всем это рассказала. Вот это была «берущая» (покупательница)! И мы поехали отвозить ее на лодке вокруг... не стали вплавь ее отправлять... Дак когда стали ее в лодку ставить, она по вот такой узкой доске прошла в лодку и встала (в лодке), будто с той хозяйствкой она была все время. Остановилась и стоит. Вот это была «берущая» (покупательница)! Дак я всегда потом жалела, что не взяла у нее колдовство это.

Попова Ирина Македоновна, 1923 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 1999 г. Касс. 14/10—13

HODO-T'OTKA LEHMIE MIÄRÄZI MATKAN IELLÄ

Vot konza, kun lihaverosta ku kolhozan karjua läksimä (viemäh) dai kun rahvas ken miki sielä žiivatta kažvatetih, jotta siitä lihaverosta annettih, vietih, Šommalla meilla piti viijä, no lehmä že ei matkua, ei lähe noin tuoštah, a vot... Izossiman Hodo-t'otka kaikičči matkautti žiivattua. Hiän ottau jokahizen žiivatan i lentalan pitän ili min kaččo nuoran — miäryäy piästää jalkoih šuah, hännän sen kaiken, ta siitä mitä näin ristie luadiu siinä ta siitä sillä viččazella kun ähkyäy, se lehmä lähtöy ku nuorua punou! Kaikki siitä matatah, kun mid vain žiivatan totutti, ni ei pie ajua eikä, hyö iče tiijetäh. Šommalla viet siitä sinne, siitä pietetäh siih. Mihi šuahe hänellä se tie on annettu, siihi šuat'e mänöy i siitä piet't'yy.

(*Mitenpä hän ristie luati?*) Kiällä selän piällä da mitä lienöy sielä šopšottan, korvah čuhuttan, da... (*Minnepä hän sen nuoran pani?*) Ka, kerallah ottau, kiässäh pitäy šiitää. (*Lehmien kanssako hän lähti?*) No, yksin lähtöy lehmien kanssa šiitää ili peredaičou toizilla ku jesli iče ei voi lähtie. (*Sen nuoran?*) No, a siitä iessäh nuoran kera männäh, ne matatah kun...

КАК ХОДО-ТЕТКА КОРОВ ИЗМЕРЯЛА ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Когда налог на мясо в колхозе (государству) платили, скот (отправляли), да и если кто (из частников) какой скот вырастил для налога, то отправляли, нам надо было в Шомбу отправить, а корова ведь так просто не пойдет (куда надо), а вот... Изосимовская Ходотетка всегда отправляла скотину. Она возьмет каждую скотину и длинную ленту или веревку какую-нибудь — измерит с ног до головы, весь хвост да потом как-то так перекрестит там, а потом этой вицей как огреет, так корова идет, будто веревку вьет! Все потом так и идут, какую только скотину приучила (отправила), дак не надо было ни гнать, ничего, они сами знают. До Шомбы доведешь, а там уже «остановят» (речь идет о магических действиях по приручению скота к новому месту). До какого места ей дорога дана, до того места идет, а потом останавливается.

(*A как она перекрецивала?*) Рукой над спиной (кресты делала) и еще что-то шептала там, в ухо шептала, да... (*Куда же она ту веревку девала?*) Даc с собой берет, в руке потом держит. (*Она что, сама с коровами шла?*) Да, одна с коровами идет или передаст другим, если сама не может идти. (*Эту веревку передаст?*) Да, а потом впереди веревку несут, да они идут как (шелковые)...

ЛЕХМА КИПЕЙТ'YY КИВАСТА ТУУЛЕСТА

(*Mitäpä žiūvatalla tapahtu?*) No, tuuli satattau, šanotah, siitä laihtuu, da sielä kožajau se selkä niin ku krapajau. Mie muissan ku oli meijän baabuškalla lehmä, ni tämä, Pavlovan ni muamo olešta läpi puhu sinne vozduhan selkäh sillä lehmällä. Olen otti, toi sieldä i šiitää luadi semmozen vejen, puhu, puhu sinne, mitä lienöy šanon i šiitää olesta läpi puhu hänellä selkäh sinne vettä — i pareni lehmä. (*Vettä sinne?*) No, kumbazen vejen hän puhu. (*Suuhunko otti vettä?*) No, i siihe siitä puhu sen läpi olesta sinne. (*No, ni mikä oli se tauti?*) Kuiva tuuli. Kuivassa tuulessa, no... Orazella luadi čut'-čut' loukkozen, jotta se vozduhha sinne mänöy, mie näin iče kuin hiän luadi.

Ken ku pahalla silmällä kaččo, ni lehmä kipeyt'yy... Ka vot jesli ken on tietääjä semmoni, kajehtiu, on daže majiot peit'etäh lehmälädä.

(*Lypsiko lehmä verda?*) Oli že i verellä ku lypsettih, Šanotah, verellä ku lysäy, jotta skokunalla piällä tallan on.

ЕСЛИ КОРОВА ЗАБОЛЕЕТ ОТ СУХОГО ВЕТРА

(*Чем корова заболеть может?*) Ну, ветра немощь может быть, говорят, похудеет, да кожа на спине шуршит, скрипит будто. Я помню, как у нашей бабушки корова была, дак одна там старушка через соломинку дула туда воздух, корове этой в спину (под кожу). Взяла соломинку, принесла оттуда и потом наговорила на воду, дула, дула туда (на воду), что-то говорила и потом через соломинку вдувала ей туда эту воду — и корова поправилась. (*Воду туда?*) Да, ту воду, на которую дула. (*Взяла в рот воды?*) Да, и потом туда через соломинку вдувала. (*И что это за болезнь была?*) Сухой ветер. От сухого ветра, но... Острой соломинкой сделала крошечную дырочку, чтобы воздух туда прошел бы, я сама видела, как она делала.

Кто дурным глазом посмотрит, так корова заболеет... А вот если колдун какой, который завистливый, то даже могут молоко у коровы спрятать.

(*Доилась ли корова кровью?*) Было, что и кровью доились. Говорят, что если кровью доится, то значит на лягушку наступила.

Попова Ирина Македоновна, 1923 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Алексеем Конкка, 1999 г. Касс. 15/5, 12—16

MIUN LIÄVÄN EMÄNDÄ EI VALKIETA ŽIIVATTUA SUVANNUN

No, da šitā vot liävän emändä tože šanotah. Miulla oli ičelläni. Miun liävässä ei tykännyn liävän emändä valkieta žiivattua, jotta ois valkienveristä. Miullan oldih harmahad lambahad kaikki, a siitā mie otin, miulla himotti valkieta lammašta. Mie otin valkien, ni joka päivä sillä oli vot metrie kolme se kičiga — heinästä punou jalkoihi sillä lambahalla, se on ihan märkänä joka yön jälkeh... Niin siitā pahaksi mäni, laihtu, i skobi häneldäh kaiken selän, karvad n'e, villad kaikki, ei suvannun valkieta. A toizie ei liikuttan.

Kellä mimmoista ei suvaiče. Meijän naapuri... ni heillä ei suvanuun mustua, niin hyö kaikičči miän... heillä kun oli pässi, musta, šuuri pässi semmoni, hyö kaikičči pässie piettih miän liävässä, heiјän ei suvannun mustua.

A kerran olimma tyttären kera čikon luona... huomeneksella mänöy liäväh, šanou, oi Iro, šanou, (naverno naapurin akka) on käynyn kaikki miulda lambahad, villad haraštan... Ni liävän emändä... keričči kaikki ne lambahad, no keričči paikotellen, seže ei plotno, hyväzisti, a paikotellen, ihan vot kiskomalla kisko. No, a siitā mie šanon, jotta ei tämä ole (naapurin) ruatuo, buitto hän oliz noillan lambahie kiskon, jotta kaikki paikotellen nahkan keralla... Ni siitā ken hänellä šano, jotta ihan liävän emändä — ei suvače lambahie tämänväzie. No, ni siitā hän ne lambahad vei, toizen sossedan liävässä piti niitā lambahie.

Muinen kun Rokitinan babka eli, mie konža muutuin t'anne... Hän miulla šanoi, jotta pitäy ku ei šuvanne lambahie... Pura kaikki liävästää, kaikki šuki hyväzisti liävä i siitā, šanou, aja pihalla lambahad, a siitā laže heitää ykstellen i mi on nimi lambahalla, sitä nimie, i pane vaškopeikkoja joka nurkkah i šano, jotta: «Liävän emändä, liävän izändä, liävän keskinkertani priimikkyä, ottakkua miun tämä lammaš», sielä... (šanot) hänen nimi «i pitäkkyö kun omua». I siitā ei rupie. I mie niilläh luajin, sen jälkeh hož oizin kuin äijän pitän, ni ei enämbyä ollun sitä. Niin ni muun karjan kera.

МОЯ ХОЗЯЙКА ХЛЕВА БЕЛОЙ СКОТИНЫ НЕ ТЕРПЕЛА

Ну, да еще «хозяйкой хлева» называют. У меня у самой была. В моем хлеву хозяйка хлева не любила скотины белого цвета, белой масти. У меня все овцы были серые, а потом я взяла, мне захотелось белую овцу взять. Я взяла белую, так каждый день у нее была кичига метра три длиной — из сена заплетет овце в ноги, она совсем мокрая после каждой ночи была... Потом уж совсем худой стала, исхудала, и соскоблила у нее всю спину, волосы эти, всю шерсть, не любила белого цвета. А других не трогала.

У кого каких не терпит. У наших соседей... у них не терпела черных, так они всегда в наш... у них как был баран, черный большой такой баран, они всегда барана держали в нашем хлеву, у них черных не любила.

Однажды были с дочерью у сестры... утром приходит из хлева, говорит: «Ой, Иро, — говорит, — наверно соседская бабка приходила, всех овец у меня острягla...» Так это хозяйка хлева... острягла всех тех овец, да острягла mestами, не подряд, как следует, а только там-сям, прямо ключьями вырывала (шерсть). Ну, а я и говорю на это, что это не соседской бабки работа, будто она бы так драла (шерсть у) овец, прямо клоками вместе с кожей... Ну, а потом кто-то ей сказал, что это хозяйка хлева не терпит овец этой масти. Так после она этих овец увела оттуда, у другого соседа в хлеву держала овец этих.

Раньше, когда бабка Рокитина жива была, когда я переехала сюда (в поселок)... Она мне сказала, что надо, если не терпит овец... Очисти весь хлев, все подмети чисто в хлеву и потом, говорит, выгони овец во двор, и после запускай их по одной, и какое у овцы имя, так это имя (произноси), и положи медные копейки в каждый угол, и скажи, что хозяйка хлева, хозяин хлева, 'хлевный подросток' (?), примите, возьмите мою овцу (говорит тут ее имя) и держите ее (у себя) как свою. После этого перестанет. Я себе как сделала так, так после того хоть сколько ни держала, никогда больше того не было. Так же и с другой скотиной (надо сделать, если не принимает ее).

TALON EMÄNDÄ NOUŽOU KARŽINASTA

(*Oliko talossaki joku?*) No, talon emändä, da talon izändyä. No, meijen kun oli, konža sota zavodi, ni meijän nuapurit, heät työnnettih Tšeljabinskoih kaikki, no a siitä rajakylistä ku tuldih, ni tähä pietyytih meillän, meijän kyläh. No i siitä... naapurih pantih pereh elämäh. Hyö ku ruvettih elämäh, ni hyö ei voitu yhtä yötä muata. Joka yötä emändä se käveli noštamah. Noužou karžinašta, hyö händä nähä ei, a hän noužou i kun alkau — mitä ollou hellalla ašsetta, mitä missä, kaikki lykkiy pitin

latetta. Ei andan öissä muata. I vot hyö niin kuukautta nel'l'ä — viiz elettih, mučaičiuvuttih... daže meillä kuuluu, ku konža romajau yöllä ku lähed uloš, ni kuuluu ku mitä ruatau sielä. No, ni siitä hyö muututtih toizeh taloh. A kun emändä tuli evakuatsiašta, ni ei ni mitä kuulun... (*Mistäpä se tijettih, jotta se oli talon emändä?*) Ka, kenbä sielä muut karžinah mänöy, sitä domovoiksi i sanotahki... Hiän karžinan oven avuau i alkau tuiskuttua ašteita yöllä.

ХОЗЯЙКА ДОМА ИЗ ПОДПОЛЬЯ ПОДНИМАЛАСЬ

(*Был ли и в доме кто-нибудь?*) Ну, «хозяйка дома» да «хозяин дома» (домовые). У нас было — когда война началась, то наших соседей, их всех в Челябинскую область отправили, ну а когда из приграничных деревень (людей) переселяли, то они здесь остановились, в нашей деревне. Ну, и в соседний дом поселили одну семью. Они, когда жить начали, то не могли и ночи одной спать (спокойно). Каждую ночь хозяйка приходила будить. Поднимется из подполья, они ее не видят, а она выйдет и как начнет — всю посуду, какая на плите есть, что где, все покидает на пол. Не давала по ночам спать. И вот они так месяца четыре-пять жили, мучались... даже у нас было слышно, как по ночам гремит, когда на улицу выйдешь, слышно было, что там творит. Ну, а потом они переехали в другой дом. А когда хозяйка приехала из эвакуации, дак ничего не было слышно... (*Откуда знали, что это «хозяйка дома» была?*) Дак уж кто другой в подполье залезет, их ведь и называли домовыми... Она дверь в карзину (подполье) откроет и начинает посуду раскидывать по ночам.

LIÄVÄN DA NI TALON EMÄNDÄ OLLAH KUIN PIKKARAIŽET ELUKAT

(*No, onko talon emändä erikseh?*) Talon emändä on erikseh, a hyö ollah pohožoit. Hyö ollah kun elukat semmozet. Vot meillän koissa... ni se on, užotko, n'äin pikkaraini, hoikkani i se on, kuin šanuo, erivärini: on ryžoita da valkieta, on mustuo da valkieta. Semmoni pikkaraini elukka, sitä šanotah liävän emändä i talon emändä. Ni meillä kiukuan alla kun oli, sinne uhvatkoja da koukkuja panet... ni sielä se eli koko aijan. Eikä meillä vredua mitä luajin.

ХОЗЯЙКА ХЛЕВА И ХОЗЯЙКА ДОМА С ВИДУ, КАК МАЛЕНЬКИЕ ЗВЕРЬКИ

(*Так что, хозяйка дома еще помимо (хозяйки хлева) была?*) Хозяйка хлева сама по себе, но они похожи. Они, как зверьки такие. Вот у нас дома... повериши ли, вот такой маленький, тонкий такой, и он, как сказать, разной окраски: и рыжий (цвет) есть, и белый, черный и белый. Такой вот маленький зверек, его называют хозяйствой хлева и хозяйствой дома. А у нас под печкой жил, там, где ухваты и кочерги держат... дак там он жил все время и никакого вреда нам не приносил.

PROKKO MAHTOI MEČČÄHIZIEN KERA PAISSA

Meijän diedo oli... se tiezi ziivatasta. Yheldä leškinazelda, hänellä vašta poiki, kolme pävyvä oli, lehmä i vot ku vihaša oldih, ni peittih hänelä lehmä. No, hän ku laski ensi kerran lehmän, jotta laitumella, dai... siitä kolmen vuorokauven ečittih koko kylän voimalla. A siitä hänellä šanottih, jotta käy sie Prokon luoksi, jottä Prokko še mahtau biessojen kera paissa, meččähizien. No i hiän tuli siitä, diedo-rukalla oli šanon, pyrittän. Se šanou, jotta, no läkkä, šanou, elä vain varaja. Lähemmä, šanou, huazan yheksännellä rin'ulla, pitäy noušša huazah mihin leipie muinen, no, kuivah pandih lyhtehie. No, ni siihi yheksännellä riu'ulla, šanon, muissa, jotta jälelläh pän elä kačaha ku lähemmä sieldä ta eläkä virkkai mitäki, šanou. Vastua ku mitä kyzzy, ni sie vastahakua hänellä vastua, elä niin... a vastahakua šano. (*No, kuinpa se?*)

No, vot naprimer, siula šanou, jotta mänetkö sie tuonne. Sie šano, jotta en mäne. Jotta ei myötäh, a vastah.

Nouzima myö hänen kera huazah, hän šanon: elä varaja, kessä, eläkäi mitä virka, a ku konža hän tulou, da ku seižattuu, šanou, siitä ku tulized kypenet silmistä ne läht'ietäh, silloin sie kyzы häneldäh, šanou. Šano mitä tulit da kyzы d'ottä etko sie missä... no šano hän kui händä i nazyvaja, ka mäne sie muissa. No, ni hiän siitä häneldä kyzы alusta missa on lehmä, da mitä hän tuli, da mitä se siitä häneldä kyzyy, hän vastuan sielä. I siitä kun hän kyzeli, kyzeli, šai tietyä sen... missä on lehmä da kai, siitä hän ne enžimäzet šanat viimeziksi sille... Se siitä suuttu, pyörähti poikeš i läksi. Se oli, šanou, ku musta gora iessä, ei näkyn ni mitä. I siitä diedo šanoi, mie händä kiästäs pyörähytin, jotta nyt matkua poiz äläkä kačaha tuakse pän ni vov's'o. I niin siitä toizena piänä aamulla läksimä ečimäh koko kylän joukko dai myö äpärehet jälessä. No, ni se lehmä-raiska seižo siinä yhessä kohassa, oli kaikken sen muvan jo ihan purrun muššaksi. A siidä vet' kyličči käveldih kuin monda kerduo! Eikä nähty.

(*Minkä näköni se meččahini oli?*) No, vot semmoni ku mušta termä tuli hänellä vaštah. Hiän ei nähnyn muuta hänestäh ku losnijat bantat... (*Bantat?*) No, bantat, losnijat napid, šanoi, i siitä ku musta termä. Ei näkyny, jotta oliko piä missä, mimmoni se oli piä libo d'alat, libo mi — se oli ku termä. (*A silmät näkyi?*) Šilmäd näky. Šilmäd blestitih, šanou, ku tulet.

ПРОККО УМЕЛ С ЛЕСОВИКАМИ РАЗГОВАРИВАТЬ

Наш дед... он про скот (много) знал. У одной вдовы, у нее только (корова) отелилась, три дня как было, а вот как враждовали, дак и спрятали у нее корову. Она как выгнала первый раз корову настись, да и... потом трое суток искали всей деревней. А потом ей сказали, что сходи ты к Прокко, что Прокко умеет с бесами разговаривать, с лесовиками. Ну, она после и пошла, рассказала деду, покойнику, попросила его (помочь). Он говорит, ну, пойдем, говорит, только не пугайся. Пойдем, говорит, надо (будет) подняться на девятую жердь прясел, на вешала, где хлеб раньше, ну, сушили снопы. На девятую жердь, и говорит, помни, что назад не оглядывайся, когда пойдем оттуда (обратно) и ничего (лишнего) не говори. Отвечай, если что спросит, но ты противу ему отвечай, не так... а против говори. (*Как это?*) Ну, вот, например, тебе скажу, что пойдешь ли ты туда. Ты говори, что не пойду. Чтобы не соглашаться с ним, а против (говорить).

Поднялись мы с ним на вешала. Он говорит: «Не бойся, терпи и ничего не говори, а когда он придет и остановится, — говорит, — когда горящие искры из глаз посыплются, тогда ты спрашивай у него, — говорит. — Скажи, почему пришла и спроси, что (не знает ли), где... ведь сказал он и как его называть, дак вспомни тут». Ну, она вначале спросила у него, где корова да (сказала) почему она пришла, да что он там у нее спрашивал, дак она отвечала там ему. А потом, когда она все расспросила, узнала, где корова и все (такое), потом она те первые слова (разговора) последними ему (сказала)... Тут он рассердился, развернулся и пошел прочь. Он был, она говорит, как черная гора передо мной, ничего (другого) не видно было. «А потом, — дед говорит, — я ее за руку развернул, что уходи, мол, сейчас и назад вовсе не оборачивайся». И вот после того на следующий день с утра пошли искать всей деревней, да и мы, ребятишки, за ними. Так эта бедолага корова стояла там на одном месте, (вокруг) весь этот торф уже изжевала до черноты. А ведь мимо того места сколько раз проходили. И не видели.

(*Так на что похож тот леший был?*) Ну, такой вот, как черная круча навстречу ей поднялась. Она ничего другого не увидела кроме блестящих пуговиц... (*Пуговиц?*) Ну, пуговицы, блестящие пуговицы и еще, как черная круча, говорит. Не видно было, была ли голова где, какая она была или ноги, или что — он был как гора. (*А глаза видны были?*) Глаза были видны. Глаза блестели, говорит, как огни.

6. Представления о смерти и похоронный обряд

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.

Попов Виктор Алексеевич, 1931 г. р., Панозеро.

Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 22/13—14, 25—44

KUINKA HENKI PIÄSSETÄH LÄHTÖMÄH

Ku kuolou, ni siitä pessäh, lattiella pannah da pessäh. (*Mitäpä lattiella pannah alle?*) No, ken viltin, ken minkin, hurstin pannah, ta siitä pessäh. A siitä šuoritetah ta lauvoilla pannah, katetah kuni se grobu luajitah. (*No, mistäpä ne lauvat otettih?*) No, ka kellä on varušsettua da, kellä mistäkin suahah niitää lautoja. (*Mihin ne pantih?*) Skammiloilla.

(Pantihko lasih vettä pieluksih?) Ei... kun jesli ken... kun oli ennemmin tuberkul'osa... ni šiitää avatah se fortočka ili mi kačo, siitä pannah se vejen kera, pantih lasi (pokoinikan viereh). (Niin ku on jo kuolomaizillah?) No, niin jo ku kačotah, jotta se nyt jo kuolou. A nyt sitä ei ole tapuo. (Miksi fortotka avattih?) No, se jotta se šiitää mänöy... kaikki sinne se, tauti vai mikä... (Henki?) Henki se, no ku lähtöy.

(Mitäpä jos ken jykiesti kuolou?) A meilänne, vot, kun isä Viktorin, hän kun ei piässyn kuolomah. Hän ylen pitäldi sitä hengitti, no joi soznanijassa ollun. Hänenellä oli... karkautun kuoloma. Se niin ku karkautu. Možot se säikähti, ovi jotta tuli lujah pannako kuin... en tiedä. No, Viktori läksi töihin, ja siitä hänen aiti nouzi tuonne lakkah, ni siitä hän luki tästä yheksäs lauta, näin. Sieltä vot luki, katosta luki siit yheksännen lauvan i siitä yheksättä lautua kopahutti. (Milläppä?) No, šauvalla näin... Ei pitkä aikai kulunut kun hän jo kuoli... A se pitälti oikein ei se heki lähten, muuta kun vain korasi da korasi siitä... jo illasta suat'e se hänenelläh niin oli, jotta niin se hengitti.

Kuoltuo juškat avattih, jotta ku henki lähtöy, ni se siitä (mänöy). (Talvella) pikkuni aikua dai pannah umbeh, puoli tuntie taikka mi kačo...

КАК ДУШЕ ПОМОГАЮТ ОТЛЕТЕТЬ

Как умрет кто, так сначала моют, кладут на пол и моют. (А что на пол подстилают?) Ну, кто одеяло, кто что, холст расстилают и моют потом. А после одевают и кладут на доски, закрывают, пока гроб делают. (А доски откуда берут?) Ну, у кого и наготове есть, а так — кто откуда берет их. (Куда их ставят?) На скамейки.

(Ставили ли стакан с водой у изголовья?) Нет... если только кто... раньше, когда туберкулезом болели (умирали от туберкулеза)... то тогда открывали форточку или что-нибудь, ставили стакан с водой. (Это когда уже умирает?) Да, когда смотрят, что уже сейчас умрет. А нынче нет такой моды. (Почему форточку открывали?) Ну, это для того, чтобы она уходила через нее... все это туда, болезнь или что... (Душа?) Душа эта самая, ну, когда уходит.

(А если тяжело умирает?) А у нас вот, отец Виктора (мужа) не мог сразу умереть. Он очень долго там дышал, уже и в сознании не был. У него... смерть отпугнули. Может, она испугалась, когда там дверью сильно хлопнули или что... не знаю. Ну, Виктор пошел на работу, а его мать поднялась на чердак и отсчитала отсюда девять досок, вот так. Там вот сосчитала, отсчитала на крыше девятую доску и по этой девятой доске стукнула. (Чем?) Дак палкой (посохом) так... Немного времени и прошло, как он уже умер... А до этого очень долго душа не отходила, только он хрюпал да хрюпал там... уже с вечера у него так было, так дышал (тяжело). Когда умрет, то выюшки (на печи) открывали, что когда душа отлетит, так она там (через выюшку) пройдет. (Зимой) немного подержат да и закрывают, полчаса там или сколько...

POKONIEKKÄ PIRTISSÄ

Mies ku kuolou, ni miehie kuutah pesömäh, a naine ku kuolou, ni naizie kuutah pesömäh. (Mitä sillä hurstilla tehäh, minkä piällä pestih?) Ku millä pessäh ni muihan, šiitää otetah se

ripakkoko millä vessäh, ne siitä poltetah kaikki. Dai se ku grobu luajitah — ne lašut niiže poltetah siitä. (*Missäpä ne poltetah?*) Ka, pellolle viijäh, da... (*Viijähkö rantah?*) Ket rantah viijäh, ku lässä ranta on, ket pellolle viijäh. Siidä vielä (poltetah) mid vuat't'iet (pokoiniekalla) piällä (oldih kuollessah). Ne kaikki poltetah kuni pokoiniekka on muan piällä, jotta kuni ei hauvata. (*Onko primietitty mitä siitä pokoiniekasta?*) Se on primietitty meillä, jotta kun kuolou, no ta siitä on oikein sula, jottei kylmä, no ni lienöy rutto toini pokoiniekka jälkeh. Ku ei pitäldi jäykisty.

Meillän šanotah paras čuppu, ni siitä siihi pannah pitkin seinyä grobuh, piä čuppuh pāin. (*Mistäpä ne grobun lauvat suatih?*) Ked mistäi, ked vielä otettih, nämä ku ollah väliseinät lauvoista, vielä i niistä kižottih da luajittih. (*Että ihan talon seinästä?*) No, no. Jotta hyväd lauvad grobuksi... Šiitā ku se grobu tulou valmeheksi, sinne pannah niitā lastuja kun sruugatah niitā lautoja. Koivun lehtie pannah, vassasta tyved leikatah, ta levitetäh. Poduška valkiesta kankahasta, pielus se pannah. A pielukseh pannah čisto lehtie, varpuo ei.

Yöksi pokoiniekalla suun piällä pannah semmone, no niin kun, pikkune puhašta valkieta ripakkuo. Da katevuate se nossetah silmille. Päivällä poiz otetah. Katevuat't'ieks valkieta pannah, da kellä on tyylie, da... A erähillä vielä jiähäh silmät auki. No ni siitä pannah, en'n'en se on ollut se viiskopeikkaine, vaškiraha, ni se pannah silmien piällä, molemmilla silmillä.

(*Äijänkö koissa pietäh?*) En'n'en pietih kolme yötä, a nyt vielä i kakš yötä pietäh. Hänellä (pokoiniekan viereh) ken panou tuolin, kellä ku siinä sattuu tumbočka olla, siihi sitä pannah teetä, siitä jos on mies, pannah se vielä stopka, ta siitä mitä kačo pečenjuako, pr'aanikkuoko, šokerie...

Sukulaizet erähäd käväh vielä kun on elossa, ni prostiuvutah. Ken itköy, ken niin prostiutuu. Šanotah, jotta prosti milman riähkähistä... Hän siitä kun mahtau, ni šanou: hospot' prostikkah. Eräs vielä šanou: ei meillän viäryttä ole siun kera...

Da se vielä grobu kuajitah, ku pokoiniekka siih pannah, ta siitä se pokoiniekka kuajitah, no a siitä kuajitah jo kalmizmualla toini kerta. A siitä ku ruvetah ottamah pirtistä ku lähtetäh (grobua viemäh), ni siitä kolme kertua enzimmäisen oven luona sitä heit'elläh näin, niin ku kalmizmualla... Heitetäh, siitä nossetah (ilmassa), kolme kertuo. Joka kynnyksellä siitä, kun viijäh sinne pihalla. (*Kuinpa se kalmizmualla kuajitah?*) No, grobu ku on siinä hauvan piällä, niillä lauvoilla, ni siitä se hauta kuajitah. Vielä omad n'e kaikki käväh, siitä vielä kuajitah (pokoiniekkuo). (*Mihin suuntah sitä kierrettih kuatiessa?*) Myötäh päiväistä. Ihan piästää siitä jalkoihin suat'e näin kuajit, siitä vielä niin kun silmäd rissit sillä niize kuadel'ničalla pokoiniekan piällä siitä näin...

ПОКОЙНИК В ДОМЕ

Мужчина если умрет, то мужчин зовут мыть покойника, а если женщина, то женщин. (*Что с этим холстом делают, на котором моют покойника?*) Все, на чем моют, мыло, потом берут эту тряпичку, которой мыли, это все потом сжигают. И когда гроб делают, то стружки эти тоже сжигают там. (*Где сжигают?*) Да, на поле относят, да... (*Относят ли на берег?*) Кто на берег относит, если рядом берег, кто на поле относит. Потом еще сжигают ту одежду, которая на покойнике была во время смерти. Это все надо сжечь, пока еще покойник на земле, когда еще не похоронили. (*Примечали ли что по покойнику?*) У нас такое примечали, что когда умрет, дак когда (тело) очень мягкое, да не холодное, то скоро новый покойник будет. Когда долго не застыает.

У нас говорят парас чуппу (красный угол), дак туда ставят вдоль стены гроб, головой в красный угол. (*А доски для гроба где брали?*) Кто откуда, некоторые дак еще брали и, вот как эти простенки из досок (делают), еще и из низ вырывали и (гроб) делали. (*Прямо из стены дома?*) Да, да. Чтобы хорошие доски для гроба были... А потом, когда гроб готов, то туда кладут те стружки, которые остались от строгания досок (для гроба). Березовые листья кладут, у веников комли отрежут и (ветки) расстилают (на дне). Подушку делают из белой материи, в изголовье. А в подушку кладут только листья, веток не кладут.

На ночь покойнику на рот кладут такую маленькую чистую белую тряпочку. И покрывалом закрывают голову. А днем снимают. Покрывало (тоже) из белой (материи), да если у кого тюль есть, да... А у какого (покойника) еще и глаза остаются открытыми. И вот тогда кладут, раньше были пятикопеечные (монеты), медные деньги, дак их кладут на оба глаза.

(Сколько покойника дома держат?) Раньше держали три ночи, а теперь и две ночи держат. Рядом с покойником ставят стул или если у кого тумбочка окажется, на нее ставят (чашку) чаю, а если мужчина, ставят еще и стопку, да потом какого-нибудь печенья ли, пряников ли, сахару...

Некоторые родственники приходят, пока еще живой, проститься. Кто причитывает, кто так прощается. Говорят: «Прости меня грешного...» А он, если может, то скажет: «Господь простит». А кто еще скажет: «Нет между нами неправды (или зла)...».

И еще когда покойника в гроб кладут, то гроб кадят, да и (самого) покойника окурят, а потом кадят второй раз на кладбище. А когда из избы гроб будут выносить, то (сразу) у первой двери его (гроб) три раза поднимают вот так, как на кладбище... Опустят, а потом поднимут (в воздухе), три раза. И так на каждом пороге, когда выносят на улицу. (А как на кладбище кадят?) Ну, гроб когда там, над могилой стоит, на досках этих, то тогда могилу кадят. Еще все близкие родственники подходят, кадят над покойником. Кадят по солнцу. Прямо от головы до ног кадишь, а потом еще как глаза перекрешишь кадильницей над покойником, вот так...

Попова Мария Григорьевна, 1933 г. р., Панозеро.

Попов Виктор Алексеевич, 1931 г. р., Панозеро.

Записано в Панозере Алексеем Конкка, 2000 г. Касс. 23/2—11, 14—28, 22/28

KUINKA PUAN'ARVES HAUVATAH

(Ku lähetää viemäh talosta, ni kenpä sitä grobua kantau?) Miehet. (Omat?) Ei. Jesli sillä (pokoiniekalla) on lapsie, no ni ei anneta kandua omilla, vierahat kannetah. No, a Jennu (Man'un cikko. — A. K.) kun kuoli, meijen Jennu, hiän jo ielläpäin šano, šanou, jotta mie kun kuolen, ni miulla kun on nel'lä poikuo, ni ana milma pojat kannetah yks kerta, a mie olen heit' yheksän kuukautta kandan... Kun hän kuoli, ni silloin venehellä... tuonne vietih, tuonne pos'olkan sinne randoih i sieldä rannasta ne pojat kannettih olkopäilläh sinne, ymbäri vielä pos'olkua sinne kuletettih, da hautuumualla...

(Siitä ku grobu viijäh pirtistä, ni mitäpä pirtissä tehäh?) Ka, ku grobu otetah, no ni siitä grobun tilalla lykätäh vettä da siitää koukku... hiilikoukku. (Mitä varoin?) No, se, jotta ku pokoiniekkä lähtöy. A siitä otetah da ne kaikki pessäh niid, se jälki pyhitäh, siitä pannah n'e, stolat ajetetah, da... Vettä kauhasta lykätäh, da siitä se koukku pannah. Šanotah, jotta jäled lähtiet'täiž hänellä jälkeh, niin hyö paistih, mie muissan... (Lyöttihkö nauloja kynnyksih?) Meillä tiälä ei semmoista...

(No, ku talosta lähettih, ni kannettihko ristiie ielläh?) Iellä risti, siitä jos on venkoja, siitä vot, kate, siitä grobua kannetah. (Mitäpä kannen piällä?) Kryškan piällä siitä risti myös muššašta pannah lentasta. (Oliko klejonkkua?) Siitä kun jo grobua laskietah sinne hautah, ni siitä pannah kellä on klejenkkua, ken panou pokryvalan, ken toolie panou... siitä ruvetah lykkyämäh peskuo. (Oliko ennen pantu tuolta?) Ennen sielä, eiköhän Soloman-diädin(ällä)... mie olin hautuamassa. (Grobun piällä?) No, grobun piällä... mie en tijä min takie, može ei niin rutto happane se kate, vai mitä. Mie muissan siitä, vot kun Soloman-diädin hauvattih. (Milloinpa se oli?) Oi, se jo oli ammuin. Jo oli viiskymmendä... no viizienkymmenen yhen daikka kaksi vuotta... (Vanha akka?) Vanha, vanha se oli, ka, hänellä eiköhän ollun jo yheksänkymmendä... (Kuinpa venehessä?) Risti on nenässä... grobu on keskivenehellä, dai kate, se pannah, siks ai-kua pannah kate...

(Milloinpa se risti tehitih?) Samallai risti, grobu dai risti... (Pitikö höylätä grobu? Molommat puolet?) Ka, no, höylätä (piti), struuugata, struuugata šanotah meillän. Min mie (Viktori) olen

luadin grobuo, oi-voi-voi... Meillä kun sielä muasterskoissa, kaikkihan meillä oli mehanimat. Näin, jesli kahen: yksi hölyläy, toini lyö — kaks tuntie. Rissin dai kai valmeheksi... I tiijät kuin äijän makso se grobun luati... vod arvua! Sih aigah äijänkö makso? (No, mih ai-kah?) Mie jo olin sielä sorok sed'mom — sorok vos'mom godu. No, arvua! (No, kaksymendä rupl'ua.) Ei, viizi rubl'uo... Risti otdel'no, rististä maksettih kaksi rubl'uo... A sen piällä vielä ku hautuumualda kun tullah, hauvatah, myö emmä käynyn (kalmizmualla)... vielä tuou viinad meillä, pullon molommillaki... i zakuskan. I hän meijen kera vielä ryypyäy, ottau stopkat...

Tuossa hyö händäh ku autosta otettih (ku pari päivyä iellä Filippovin poikua hauvattih), siihi se oli tuolid pandu, händäh siinä piettih (veräjän iesä) pikkun'e aikuo, a siitä kannettih sinne hauvan piällä, a hauvan piällä oli lauvat pandu. Siitä se heittettih grobu siihi lauvoilla, siinähän ne kaikki vielä kuajittih da siitä ne omat vielä it'kiet'tih siinä. A siitä se kate lyötih... nuorat pandih sinne grobun alla, a siitä hyö nossettih pikkune, jotta ne lauvat suatih alta poikeš, a siitä se ruvettih laskomah, kolme kertuo hyö näin sitä nossettih. Siitä ku laskettih kolmas kerta muahah, a sinnes vielä lykittih niitä rahoja. A siitä... hyö sinne laskettih kattieksi... klejonkat, no, siitä ruvettih peskuo sinne lykkimäh...

Iellä meillä t'äilä kangahalla laskettih, a nyt sitä ku kangasta ei ole, ni nyt nuoralla laskietah. (Millä kankahalla?) No, kellä mimmoista oli kangašta. Osobenno tuota polotentsakangašta, metroovoita... viizi-kuuži metrie aina ossettih spetsial'no sitä laskevuat't'ieksi. Molommista päästä... ni pitäy kymmenen taikka kaksitoista metrie. (Lykätähkö ne hautah?) Iellä ei lykitty meillä, a siitä, sitä ku konža Brežnevua hauvattih, da ku... Brežnevalla sinne ku hautah pandih, siitä ruvettih tiälläki. Siihi šuat'i še ei pantu... (Mihinpä ne pantih?) Annettih akoilla, annettih muisteliaist'a, laskuvuat't'iet ne... (Vanholla akoilla?) Vanhoilla. No, ta siitä niillä ket pestih, ta... ta ket yötä issuttih... (No, eihän niitä kaikilla riitää?) Ka, leikattih, leikattih metrittäin.

(Oliko niin, jotta ei suanun kyynelie grobuh tiputtua?) Oli, dai nyt on, jotta ei sua, ei pie pokoiniekalla, jotta kyyneltä laskie. (Miksipä?) No, ka šantah, jotta händäh rupieu polttamah siitä se kyynel.

(Mitä vielä grobuh laitettih?) Miehillä vot ku ken poltti, ni sillä pannah sitä sigarettua da tikut, muuta ei ni mitä... (Mitäpä hauvan piällä?) Ket pannah sielä kupkipari, siitä tämä, lusikka, vilkka, pieni tareločka siitä... (Kynttilöitä olen nähnyt hautojen piällä...) Nyt on, sieltä ku Suomesta vot niitä kynttilöitä... ni nyt pannah, a iellä niitä kynttilöitä ei ollun...

(Mie kun olen nähnyt noissa hautajaisissa, jotta toisen hauvan piällä oli purkissa čaijuo. Omillako vijäh aina ku kävyäh kalmizmualla?) No, iellä myö veimmä, no a siitä kun ne koirad da voronat sielä kun n'okitah ne kaikki, ni mie olen šanon aina omillani... jotta elkyä työ viekyä, siitä kun ne voronat kaikki levit'elläh se hauta, jotta luče tulkuva omassah pövävässä da mainiçetta siinä... (Mitäpä työ ennen veittä?) No, ottima myö hoš sielä kun mitä paistoma siitää... Iellä koirat ei käyty kalmizmualla. Kežällä oldih kaikki kiinni. A nyt niitä koirie kun on kaksin-kolmin yhessä talossa... Eikä ollun aituo, ei kai mitä. (Eikö aituo ollun Miekkakankahalla?) Ei, eillä ei ollun, a nyt on aijat, veräjät. (Murennettihko mitä hauvan piällä linnuilla?) Ei. Ka, linnuilloilla pandih šuurimua... no, ei sinne jotta hauvan piällä, a sinne kylkeh, jottei sitä hautua levit'ellä ne... (Milloin niin tehtih?) No, ku käytih yheksän päivän murkinallalla, nel'l'änkymmenen, vuuvien i siitää ku Troiččana käyt.

(Vietihkö Troiččana tuulipaikkuo?) Ka, ken venkan ottau, kun suaha voit, a ken viey tuulipaikkuo, kenellä mitä on... (Kuinpa se sivottih ristih?) No, kesellä siih sivotah, da pannah riippumah. (Onko metrin pituisie?) On ni metrie, ta on se i lyhempie, ta...

A kun nyt, kun mänemmä myö sinne hoš kalmizmualla, ni siitää sitä ristie kosetah, šanotah: «sv'atyi bože, sv'atyi krepki». Pokoiniekalla ei pie šanuo «terveh». (Eikö pie?) Ei. Sen šano Moskovan Out'-t'otan (Viktorin), jotta pokoiniekalla ei ni konša pie šanuo «terveh», hiän milman juohatti... A mie (Viktor šanou) olkah drug ili ken sielä, mie tervehyksen luajin, ristih kolahutan...

(*Kuinpa sielä kalmizmualla ku itettih, ni itkusanoilla tervehystä luajittih?*) Ka, ken kungi itkö. Ken itkö, jotta kuin ed unissa näyttävyy, da kuin siula sielä on, da joko oled, jesli on hänellä lapsi ollun (kuollut), jotta jokoh olet lapsies näken, da joko oled vanhembies näken, da ket kungi.

Vot ku Jennu kuoli, no ni siitä jo Jennu näyt'täyty Niinalla. No, ni ku Niina kysyy, jotta kaikkiko mama niin tuli, hiän šano: kaikki hyvin on. (*Siitähkö tiijetäh?*) Ku näyt'täyty'n'öy, siitä šanonou, jotta mitä ei, mitä ne hvatajet. A kun ei näyt'täyty'n'e, ka ei tiijetä. A vielä Jennu näyt'täyty Niinalla, tyttärelläh unissa, šanou, jotta niin kun on kaupassa Jennu i siitä ottau jotta sukkie. Sukkie ostau, no i šanou, jotta vielä miulan jää rahua, pitäy Man'ulla ottua platjaksi, jotta miulan. No, ni siitä (kun) hänelläh jää mekkokangas se, ni Niina siitä andoi miulan, šanoi, jotta äitiie kun näin unissa da šanou, jotta hän haluau siula mekkokangan ostua, ičelläh sukat osti, a hän siitä ando sillä svuatjalla... sukat muissella, jotta hän ku panou jalkah, jotta muissella raz hän oli sukkie ostamassa.

(*Mitäpä noijen sitehien kera pitäy tehä (joilla pokoiniekan jalat ta ni kiät on sivottu)?*) Ne pitäy kerityä, da siitä panna sinne grobuh. Kiät ei pie sivottuna jätyä... Vuota sie (Viktori muisti), kellä se unoheitih ne jalat... ni vet' jälelläh piti suomie... (*Jälkehpäinkö muissettih?*) No, siitä muissutteih, jotta kiäd dai d'alad d'iätiä sivottuna. (*Eikö unissa näyttäyty, jesli sitehet jätet-tih?*) Ketä hyö niiz šanottih, jotta unissa näyttäyty, jotta ei voi juossa, jotta jalad ollah kiinni... siitä mie kuulin...

(*Pantihko hauvan ympärillä kivie?*) Kivet, jos näin ni laijoilla pannah, jotta pesku paremmin pysyy. No, pienempie kivie...

(*Oliko venehie hauvoilla?*) Venehie ei, a vot muinaiseh aikah, en'n'emmin sielä se ni kuin grobnitsa luajittih... lauvoista luajittih... Meillän oli tiälä, mie näin, ne d'o lahottih, da hapattih, da kaikki... Vot semmoni grobnitsa niin ku talo, semmoni oli luajittu sillä hauvalla piällä. (*Oliko niissä ikkunoita?*) Erähissä oli näin pikkaraini semmoni. (*Millä puolella?*) Rististä pään ku kačou, ni oikiella (puolella).

(*No, onko tuo Miekkakankahan kalmizmu vanha?*) Vanha, vanha. Tänne kirikön luoksi ei ole hauvattu niitä (muita rahvahie), sielä on vain papid da papadjet hauvattu, a näitä toizie ei ole...

КАК ХОРОНЯТ В ПАНОЗЕРЕ

(*Когда из дома отправляются (на кладбище), то кто гроб несет?*) Мужчины. (*Свои?*) Нет. Если у него (покойника) есть дети, то не дают своим нести, чужие несут. Ну, а когда Енну (сестра рассказчицы) умерла, наша Енну, она уже заранее сказала, говорит, что я как умру, то у меня как четыре сына есть, так пусть меня сыновья один раз отнесут, а я-то (ведь) их по девять месяцев носила... Когда умерла, то на лодке... туда отвезли, туда, на поселочный берег, и с берега сыновья несли ее на плечах туда, еще по всему поселку пронесли, да на кладбище...

(*После того как гроб вынесут из избы, что в избе делают?*) Да克 гроб когда возьмут, то на место гроба пленут воды, ну да крюк еще... кочергу бросят. (*Для чего?*) Ну, это что, мол, покойник-то уходит. А потом возьмут да все это вымоют, след этот протрут, потом ставят эти, столы расставят, да... Воды из ковша пленут, да потом кочергу эту положат. Говорили, что (тогда) следы его за ним уйдут, так они говорили, я помню... (*Забивали ли в порог гвозди?*) У нас такого не (было)...

(*Nu, a когда из дома выходили, то несли ли крест впереди?*) Впереди крест, потом, если есть, венки, потом вот, крышку, потом гроб несут. (*A что на крышке?*) На крышке сверху крест тоже из черной ленты сделают. (*Была ли kleenka?*) Потом, уже когда гроб опускают туда, в могилу, то тогда кладут — у кого kleenka есть, кто покрывало положит, кто толь постелит (сверху на гроб)... потом начинают бросать песок. (*Клали ли раньше бересту?*) Раньше так (делали), не было ли у Соломании-дядины (жены дяди)... я была на похоронах. (*На гроб сверху клали?*) Да, сверху на гроб... я не знаю, зачем, может, не так быстро гниет эта крышка или что. Я помню, когда Соломанию-дядину хоронили. (*A когда это*

было?) Ой, это давно уже было. Было уже пятьдесят... вот, в пятьдесят первом или втором году... (Старая бабушка была?) Старая, старая была, дак не было ли ей уже девяносто... (А в лодке как?) Крест в носу... гроб посередине лодки да и крышка, ее кладут, на то время (пока едут) кладут крышку (на гроб)...

(А крест-то когда делали?) Одновременно и крест, гроб и крест (вместе)... (Надо ли было строгать доски гроба? С обеих сторон?) Да, да, строгать (надо было), стругать, стругать у нас говорят. Сколько я (Виктор) гробов сделал, ой-вой-вой... У нас как там в мастерской, у нас ведь все механизмы были. Так вот, если вдвоем: один строгает, второй заколачивает — два часа. И крест, и все наготово... И знаешь ли, сколько стоило этот гроб сдела... вот угадай! В то время сколько стоило? (В какое время?) Я уже был там в сорок седьмом — сорок восьмом году. Ну, угадай! (Ну, двадцать рублей.) Нет, пять рублей... Крест отдельно, за крест платили два рубля... А сверху еще (плюс к оплате), когда с кладбища придут, похоронят, мы (на кладбище) не ходили... еще принесет вина нам, по бутылке на каждого... и закуску. И он еще с нами стопку выпьет...

Вон тогда, когда они его с машины сняли (о происходивших в день записи текста похоронах Сергея Филиппова), то там были стулья поставлены, его там поддержали (около кладбищенских ворот) немного времени, а потом отнесли (и положили) сверху на могилу, а над могилой были доски положены. Ну и гроб поставили туда да доски, там все они еще кадили, да потом свои еще плакали там. А потом крышку эту забили... веревки протянули под гробом, а потом они немного приподняли, чтобы эти доски снизу снять, а потом (когда) его стали опускать, (то) три раза они его вот так приподняли. Потом, когда опустили в третий раз в землю (в могилу), то туда еще бросали деньги эти. А потом они туда опустили покрытие... kleenку, ну и потом песок стали туда бросать... Раньше у нас здесь (гроб в могилу) на материи опускали, а сейчас как материи нету, так нынче на веревках опускают. (На какой материи?) Ну, у кого какая материя была, особенно этой полотенчатой материи, метрами... пять-шесть метров всегда покупали специально для опускания. С обеих сторон... так надо десять или двенадцать метров. (Бросают ли их (куски материи) в могилу?) Раньше у нас не бросали, а потом, когда Брежнева хоронили, да как... Брежневу как в могилу-то положили, после того и здесь стали. А до этого не клали... (А куда их девали?) Бабкам раздавали, давали поминать, этот материал для опускания... (Старым женщинам?) Старым. Да потом еще тем, кто был (покойника), да кто ночь сидел... (Дак, ведь их (кусков) всем не хватит?) Да отрезали, отрезали по метру. (Говорили ли, что нельзя было, чтобы слезы в гроб капали?) Было, да и сейчас так, что нельзя, не надо покойнику (так делать), чтобы слезы капали. (Почему?) Ну, да говорят, что его будет жечь потом эта слеза.

(Что еще в гроб клали?) Мужчинам вот, если кто курил, то ему положат сигарет этих да спички, больше ничего... (А на могилу что?) Кто там положит блюдце с чашкой, потом эту, ложку, вилку, потом маленькую тарелочку... (Я видел свечки на могилах...) Сейчас есть, оттуда, из Финляндии эти свечи... дак сейчас кладут, а раньше свечей этих не было...

(Я видел на этих похоронах, что на другой могиле был поставлен чай в банке. Своим что-нибудь всегда приносят, когда на кладбище бывают?) Ну, раньше мы относили, а потом как эти собаки и вороны там все это клюют, дак я всегда своим говорила... что не относите вы, потом как вороны эти раскидывают всю эту могилу (могильный холмик), что лучше придите, да за своим столом и помяните потом... (Что вы раньше-то относили?) Ну, брали мы хоть что-нибудь, что стряпали там... Раньше собаки на кладбище не ходили. Летом были все привязаны. А теперь как этих собак по две-три в одном доме... Не было и ограды, ничего не было. (Ограды даже не было на кладбище Миеккакангас?) Нет, раньше не было, сейчас есть и ограда, и ворота. (Крошили ли чего-нибудь на могилу для птиц?) Нет... Дак для птиц ведь крупу бросали... ну, не то чтобы на могилу, а туда сбоку, чтобы могилу не разрывали эти... (Когда так делали?) Ну, когда ходили на «обед девятого дня» (на девятый день), сорокового, годового (на годовщину) и потом как на Троицу ходишь.

(Относили ли на Троицу туулпайкат «ветряные платки» (полосы, как правило, белой материи. — А. К.)?) Дак кто венок возьмет, если достанет, а кто отнесет туулпайкка, у кого что есть... (Как его на крест привязывали?) Ну, в середину туда привяжут, да оставят (концы) висеть. (Метровой длины?) Есть и метровой, да есть и короче, да...

А сейчас как идем мы туда, хоть на кладбище, дак там креста касаются, говорят: «Святые Боже, святы крепки». Покойнику нельзя говорить «здравствуй». (Нельзя?) Нет. Это сказала твоя (обращается к Виктору) московская Оути-тетка, что покойнику никогда нельзя говорить «здравствуй», так она меня научила... А я (Виктор говорит) пусть друг будет или кто-нибудь там, я всегда поздороваюсь, по кресту стукну...

(А когда на кладбище причитывали, как с покойником здоровались?) Дак кто как причитывает. Кто причитывает, что, как ты не показываешься во сне, хорошо ли там все у тебя, да уже ли, если были (и умерли) у него дети, что уже ли видел детей своих, да видел ли уже родителей своих, да кто как...

Вот, как Енну умерла, дак Енну после Нине во сне показалась. Ну, что будто как Нина спрашивает, все ли как положено (было сделано на похоронах и поминках), она отвечает, что все хорошо. (Так и узнавали?) Если покажется, дак скажет что не так, чего не хватает. А если не покажется, дак и не знают. А еще Енну показалась Нине, дочери своей во сне, говорит, что как будто Енну в магазине и будто носки берет. Носки покупает, ну и говорит, что еще у меня деньги остались, надо на платье Маню взять, что мне, мол, будто. Ну, да как потом от нее остался материал этот на платье, дак Нина потом мне отдала, сказала, что вот маму видела во сне, да (мама) сказала, что она хочет тебе материал на платье купить, себе купила носки... А она потом отдала этой сватье... носки — поминать, что она как на ноги оденет, чтобы вспоминать, раз она (Енну) носки (во сне) покупала.

(А что надо делать с теми повязками, которыми ноги и руки покойника связывают вместе?) Их надо свернуть и потом положить туда, в гроб. Руки нельзя связанными оставлять. Погоди ты (Виктор вспоминает случай), у кого же это забыли эти ноги... дак ведь обратно пришлось (землю из могилы) выгребать... (Что, вспомнили потом?) Ну, потом вспомнили, что руки и ноги остались связанными. (А во сне покойник не показывался, если повязки на нем оставались?) Про кого-то они тоже говорили, что во сне показывался, что, мол, не может бежать, что ноги связаны... об этом я слышала...

(Обкладывали ли могилу камнями?) Камни, если так (кладут), то по краям кладут, чтобы песок лучше держался. Ну, камни поменьше...

(Были ли лодки на могилах?) Лодок не было, а вот в прежние времена, раньше, тогда такие как гробницы делали... из досок делали... У нас были здесь, я видела, они уже сгнили, да истлели, да все... Вот такая гробница, как дом, такая гробница была поставлена сверху на той могиле. (Были ли на них окошки?) На некоторых было маленькое такое. (На какой стороне?) Со стороны креста если смотреть, то справа.

(Старое ли это кладбище на Миеккакангас?) Старое, старое. Здесь, у церкви не хоронили этих (деревенских), здесь только попы да попады похоронены, а других не было...

Елисеева Евдокия Карповна, 1909 г. р., Панозеро.
Записано в Панозере Натальей Поздняк, 1995 г. Касс. 01/36; 02/1

MUISSINNET 'LILL' ON POKOINIKKOJA MAINITTAVA

Sygyyllä tulou muissinnet'äli, muissinpäivä hiän... Siellä on t'yt't'ö, tuuvalla pos'olkassa, šanou, unišsan ku kačon — matatah naized, pokoinikad matatah, šanou, kahta tietä myöt'e. Yhed randapuolel matatah, a toized tästää, pihoi myöt'e matatah. Mie sit't'e, šanou, karjevvuun: «Mamma, mindäh sie rannoicči matkoat, ku ylizen puolen et tule», šanou. «Ei, šanou, meitä sinne oteta, šanou, myö olemaa toista gruppua, šanou... Niät, kun ei muisseltu, ei muissellun... Vot, pitäy mainita, mainita pitäy, no. Ni sendäh pahemmasša niäd luokašša i

oldih, a ne toized ollah niin kun ylen hyvässä kunniošsa kuin muissellah — stolie pietäh, murkinalla kučtah, no, sriäpitäh, kučtah kuin monda hengie, no, viinad ošsetah, dai... (Mitäpä muissinpäivänä tehtih?) Ka, sriäpittih kaikkie, sriäpittih da kučtuh rahvaš. (Käytihkö kalmismualla?) Käytih kalmizmualla, käytih mullille, käytih, käytih mullille. (Ihan aamusta?) Ei, ka sriäpittih vielä, iellä sriäppittih, siitä käytih, siitä sieltä tuldih viän kera. (Otettihko kalmismualle mukaan ruokie?) Otettih, kanfettua vietih, pečenjua vietih, kalmizmualla jät'ettih... Dai sielä juotettih, dai taloh otetah, juotetah, dai niitä mužikkoita juotetah kalmizmualla.

(Sitten koissa syödään ja juodaan?) No, niiže, samah tapah. (Kutsutaanko pokoinikat mukaan?) Ka, hyö mainitah. (Millä tavalla mainitah?) Ka, vot mainitah, jotta «andakkah siulaz mitä myö annamma tiäldä siula, no, ni sie priimi n'e kaikki annokšet, ota vaštah, mitä myö tiäldä annamma», no, stolassa ku is's Utah. (Että stolassa kun issutah, niin silloin mainitah?) No, mainitah, mainitah. Stolaša is's Utah, ist'uvvutah dai ruvetah jo suuruštautumah, syömäh, no, syömäh ku ruvetah, ni mainitah siidä, jotta «anna D'umala siulaš nämä syömized, mitä myö syömmä da juomma, no, anna siula D'umala». Täyven siämen molitah vet', muutoma vet' moliu ihan täyven siämen. Muutoma ku ei mitä virka, a se ved' on reähkä. Se ei mäne, niin ku koiralla loit ne annokset, kun ed mainiče, se pitäy mainita, da...

(Pitikö vainajaa erikseen vielä kutsua?) Erikseh, erikseh kučtuh. (Millä tavalla?) Ka, d'otta «tule muistelomah, mainičemah, tule mainičemah... tänä piänä mie murkinan pien». (Näin sanotaan?) No, mie tänä piänä murkinan pien hänellä, tule murkinalla... (Se oli syksyllä, se päivä?) Sykyžyllä, sykyžyllä on, no, okt'abr'ašša. Pominal'noi subota, muissinšuovatta.

НА ПОМИНАЛЬНОЙ НЕДЕЛЕ

Осенью будет поминальная неделя, поминальный день... Там, в поселке одна женщина молодая живет, говорит, что как-то во сне виджу — идут женщины, покойницы, двигаются, говорит, по разные стороны. Одни по берегу идут, а другие здесь, по дворам (по дороге между домами в центре деревни. — А. К.). Я, говорит, тут закричала: «Мама, почему ты по берегу, а не по верхней стороне идешь?» — говорит. «Нет, — говорит, — нас туда непускают, — говорит, — мы к другой группе относимся», — говорит... Видишь ли, как не поминали, не поминала так... Надо ведь поминать, поминать надо... Потому, видишь ли, и были в худшем разряде, а другие, те в большом почете, потому что поминают — столы держат (устраивают столование. — А. К.), на поминальный обед зовут, да стряпают, да зовут много народа, да вино покупают, да...

(А что делали в поминальный день?) А стряпали, стряпали всего да звали людей. (Ходили ли на кладбище?) Ходили на кладбище, ходили на землицу, ходили, ходили на землицу. (С самого утра?) Нет, стряпали сначала, сначала стряпали, потом ходили, а оттуда приходили с людьми. (Брали ли с собой на кладбище еду?) Брали, конфеты относили, печение относили, оставляли на кладбище... Да наливали там, да в дом брали с собой, наливали им, мужикам этим наливали на кладбище...

(А потом в доме едят и пьют?) Да, таким же манером. (Зовут ли покойников с собой?) Они ведь поминают. (Как поминают?) Да как поминают, что «пусть тебе дадут то, что мы даем здесь тебе, ты прими все те приношения, прими что мы отсюда даем тебе», когда за столом сидят. (То есть, когда за столом сидят, то тогда и поминают?) Да, поминают, поминают. За столом когда сидят, когда сядут и есть соберутся, то тогда поминают, что «дай Боже тебе эту пищу, которую мы едим и пьем, дай тебе Бог», да от всего сердца молятся, кто ведь от всего сердца молится. А кто да как ничего не произнесет, а это ведь грех. Они не дойдут, это ведь как собаке бы бросил эти приношения — как не помяньшь. Надо, ведь, помянуть...

(Надо ли было покойника еще отдельно звать?) Отдельно, отдельно звали. (Каким образом?) Ну, что «приходи на поминки, приходи поминать, я сегодня поминальный обед устраиваю». (Так говорили?) Ну, мол, я сегодня ему поминальный обед устраиваю, приходи на обед... (Был ли тот день осенью?) Осенью, осенью были, в октябре — поминальная суббота.

СОДЕРЖАНИЕ

M. Ниеминен

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ (вместо предисловия) 6—18

I. Чернякова

ПАНОЗЕРО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ: пять веков карельской истории 19—82

ДРЕВНЕЙШИЙ КАРЕЛЬСКИЙ ПОГОСТ 20

В ракурсе административных реформ XVI—XVIII веков 20;

В освещении документов XVI—XVIII веков 23

**ТРАДИЦИИ БРАЧНЫХ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
в XVIII—НАЧАЛЕ XX ВЕКА 42**

Заключение браков 45

Куда выходили замуж? Где находили невест? 45; В каком возрасте создавали семьи? 52

Семья в Панозере в исторической ретроспективе:

в XVIII, XIX и начале XX века 58

Несколько общих замечаний социально-демографического характера 58;

Основные возрастные характеристики супружества 63;

Роль семьи в сохранении жизнеспособности местного социума 69

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 74

H. Лавонен, M. Ниеминен, H. Поздняк

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПАНОЗЕРА 83—110

H. Лавонен, M. Ниеминен

На восточной окраине земли рунопевцев 84

H. Поздняк

РУССКИЕ ПЕСНИ ПАНОЗЕРА 100

А. Конкка, О. Набокова, Н. Поздняк, Е. Яскеляйнен	ЗАГАДКИ ЭТНИЧЕСКОГО ПОРУБЭЖЬЯ	—111—230
А. Конкка		
ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ		—112—
Е. Яскеляйнен		
ПРЕДМЕТНЫЙ МИР СТАРОГО ПАНОЗЕРА		—116—
Н. Поздняк		
ПАНОЗЕРСКИЙ ПРАЗДНИК		—122—
А. Конкка		
Святки в Панозере, или КРЕЩЕНСКАЯ СВИНЬЯ		—130—
Е. Яскеляйнен		
ПАНОЗЕРСКИЕ НАРЯДЫ И ИХ РОДОСЛОВНЫЕ		—154—
О. Набокова		
Прялки Панозерья и прялочные традиции Карелии		—180—
А. Конкка		
Освоение жизненного пространства: панозерские карсикко		—214—
И. Гришина, Л. Капуста, В. Орфинский, С. Путистин, А. Яскеляйнен		ЗОДЧЕСТВО ДЕРЕВНИ ПАНОЗЕРА
		—231—306
И. Гришина, В. Орфинский		
ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ		—232—
Л. Капуста, В. Орфинский		
ЦЕРКОВЬ ИЛЬИ ПРОРОКА: ФАКТЫ И ЛЕГЕНДЫ		—252—
И. Гришина, В. Орфинский		
ТРАДИЦИОННАЯ ЗАСТРОЙКА ПАНОЗЕРА		—259—
С. Путистин		
Печи Панозера в контексте традиций Беломорской Карелии		—281—
А. Яскеляйнен		
ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДЕРЕВНИ: плотницкие курсы и концепция реставрации панозерских домов		—291—
В. Орфинский		
РОДНИК КАРЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (вместо послесловия)		—307—329
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ		—330—344

ПРИЛОЖЕНИЯ **345—438**

- 1. Д. Кузьмин. К вопросу о заселении территории Панозерской волости в свете данных топонимики** **345**
- 2. Д. Кузьмин. Топонимы Панозера и его окрестностей** **362**
- 3. Образцы поэтического фольклора** **372**
1. Песня о Лемминкяйнене **372**
2. Тексты русских песен деревни Панозero (составитель Н. Поздняк) **375**
- 4. А. Конкка. От колыбели до могильного креста (обряды и верования в рассказах панозерцев)** **384**
- Рассказы о старом быте** **386**
1. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. **386**
2. Рассказы о старой свадьбе **391**
3. О зимних праздниках в Панозере. Рождество. Святки. Масленица **396**
4. Народная медицина. Знахарство и колдовство **405**
5. Домашнее стадо. Хозяйка дома и хозяйка хлева. Разговор с лесовиком **414**
6. Представления о смерти и похоронный обряд **420**
- 5. И. Семакова. Из наблюдений за музыкальной и хореографической традициями жителей Карельской деревни Панозеро** **428**

ABSTRACT **439**

TIIVISTELMÄ **440**

Список иллюстраций **441**